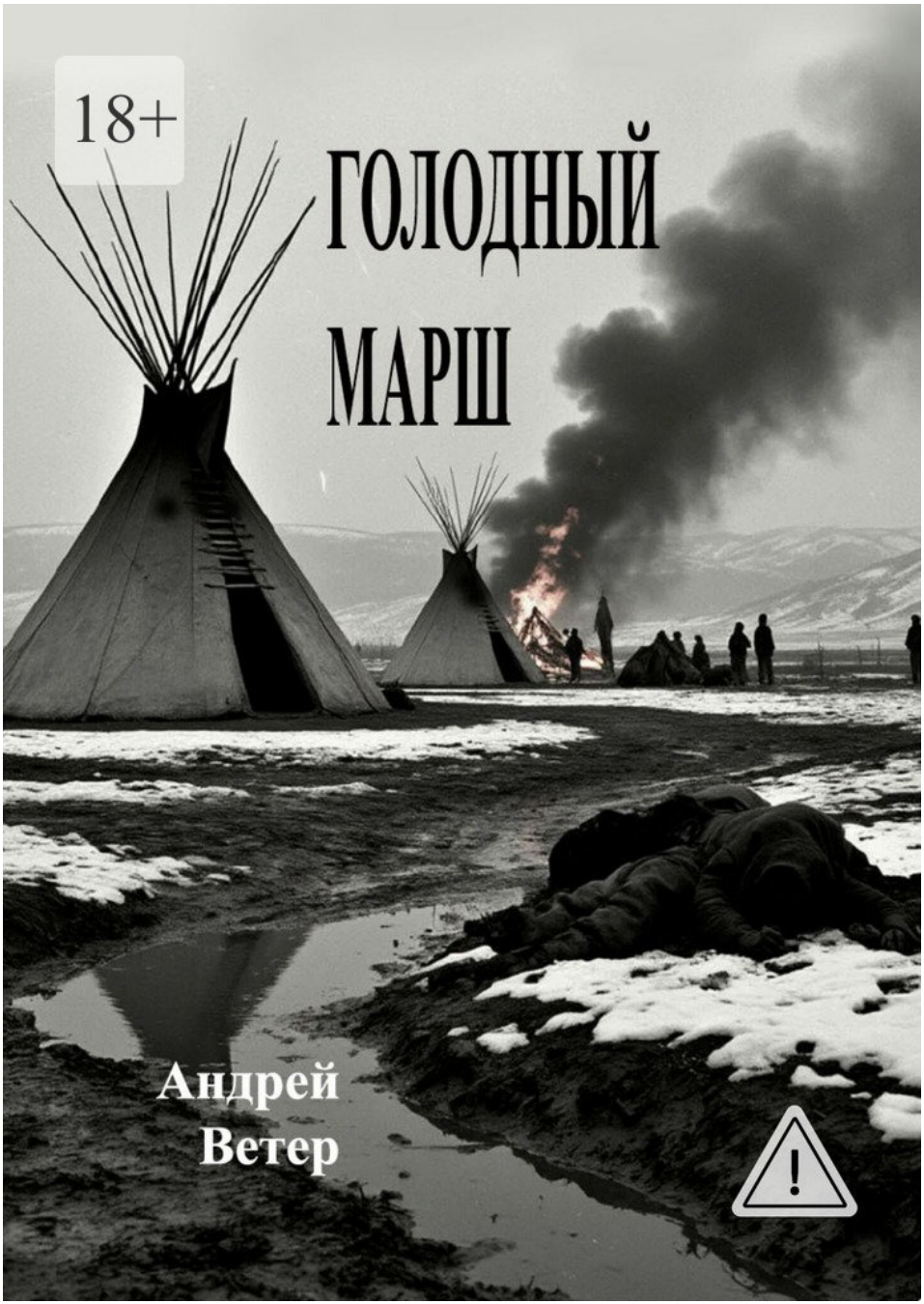
18+

ГОЛОДНЫЙ МАРШ



Андрей Ветер

Андрей Ветер

Голодный марш

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Иллюстратор Андрей Ветер

© Андрей Ветер, 2026
© Андрей Ветер, иллюстрации, 2026

«Голодный марш» представляет собой художественно-документальное повествование о трагическом переломе в истории индейских войн на американском Западе — кампании 1876 года, последовавшей за разгромом генерала Кастера при Литтл-Биг-Хорн. Издание объединяет три самостоятельных, но тематически связанных произведения: два психологических рассказа и подробный исторический очерк, которые вместе создают объёмную и эмоционально насыщенную картину противостояния двух миров.

18+

ISBN 978-5-0070-5835-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Оглавление

Голодный марш
Старик
- Потолок
- 1824 год
- 1835 год
- 1843 год
- Шёпот в темноте
- 1857 год
- Слепота
- Последний шаг

Старик и старуха
Повесть о рядовом Джоне Ферзмане
Битва на Тонком Перешейке (Slim Buttes)

Старик

рассказ

Потолок

Старик неподвижно лежал на кровати и неотрывно смотрел в потолок, выискивая там что-то. Старик был накрыт одеялом с множеством разноцветных заплаток. Он смотрел вверх и видел то, что видят остальные люди: пыльные доски, затянутые тонкой многолетней паутиной. Но иногда он видел другое. Он видел призраков.

Сначала они приходили по ночам, затем стали являться днём, не стесняясь солнечных лучей. Они были то неясными, почти без очертаний, то вдруг становились отчётливыми, узнаваемыми. И однажды какая-то из теней сказала: «Джим, старый дьявол, ты что, напрочь утратил рассудок? Эй, Бриджер, встряхнись, вернись на Тропу».

И старик внезапно понял, что жизнь его пошла вспять, она каким-то неведомым образом возвращала его в прошлое.

Вот доски над ним разошлись, и вместо чердака над ним открылось небо, то самое небо, которое видел над Южным Перевалом, такое тёмное и близкое, что звёзды, кажется, можно рукой достать. И тишина… А потом из углов, как дым от утреннего костра, начали выползать они… Призраки…

Вон там, у двери, стоит старый Хью Гласс. Смотрит на меня, думал старик, он ухмыляется во всю свою изодранную морду. У него весь бок был вырван когтями медведя-гризли, когда они двадцать третьем поднимались к Йеллоустоуну. Джим с Фицжеральдом должны были ждать, пока он умрёт. Они много спорили, не пристрелить ли Гласса, чтобы не мучился… Да только Фиц забрал его ружьё, и они ушли. Джим пацаном, чёрт возьми, ему было страшно. А Хью потом прополз на брюхе четыре сотни миль. Четыре сотни! С голыми рёбрами. И нашел их стоянку. Нашёл! Схватил Джима за горло… И отпустил. Сказал, что Джим слишком молод и, пожалуй, не должен гнить в сырой земле из-за

озлобленности Гласа. Такое забыть невозможно.

И вот Хью Глас пришёл к нему, когда Джим беспомощный. Гласс молчит сейчас, только смотрит.

Следом за Гласом появляется на своём белом коне Джон Фицпатрик Сломанная Рука. Лучший из трапперов тех времён. Он ведёт ораву в шестьсот человек по верховьям Миссури. Вокруг Черноногие — как волки, только их глаза в кустах горят. А трапперы идут, идут, ставят капканы, бьют бобра.

Вскоре Джим Бриджер знал каждую чёртову трещину в тех скалах. Карту носил в голове, пока Господь Бог не решил, что Джим слишком много видел, и не задёрнул шторки.

— Слышишь, Хью? — шепчет Джим в потолок. — Ты злился, что я бросил тебя полумёртвым. А сейчас мне страшнее. Не потому, что смерть рядом. А потому, что мне кажется, что я уже там. Я слышу плеск воды в Биг Хорне. Я чую запах мокрого бизона и пороха. Этот дом пахнет плесенью, а я хочу запах дыма и прерии. Призраки на потолке не отступают. Они наступают. Скоро они сомкнутся вокруг меня, и я больше не увижу эту дурацкую побеленную штукатурку. Я увижу Скалистые Горы от края до края. Вот тогда я снова стану собой. Пошевелитесь там, черти. Подайте мне мою винтовку. Я иду в последний патруль.

Он лежит под шерстяным одеялом — тяжёлым, пахнущим пылью и чем-то кислым, чем пахнут все вещи в домах, где давно не было женщин. Шерсть колется. Он уже не помнит, когда последний раз чувствовал тепло по-настоящему. Кажется, это было там. В том мире. Куда он уже никогда не вернется.

Джим Бриджер смотрит в потолок.

Взгляд мутный, серый. Раньше эти глаза различали след бизона среди тысяч других на твердой как камень равнине. Они замечали дым индейского лагеря за пятьдесят миль, когда молодые офицеры с их дурацкими подзорными трубами видели только марево. Глаза, которые никогда не ошибались. Которые знали каждую складку земли от Великих Равнин до Тихого океана.

Теперь они не различают даже трещины в побелке.

И не нужно… Потому что трещины шевелятся.

Они ползут, как змеи. Собираются в узоры, в лица, в очертания гор. Он знает — это кажется бредом. Дочь, Вирджиния, говорит, что ему

померещилось. Хорошая девка. Сильная. Сама выкормила его, когда ослеп и не мог уже ничего. Вон она там, в кухне, гремит посудой. Придёт, напоит чаем. Потом уведёт спать, как ребёнка.

Но она не видит того, что видит он…

Потолок исчезает.

— Ты здесь, Джим? — голос доносится откуда-то слева, это человек, но человек без тела.

Джим узнаёт его голос. Голос человека, который тащился на брюхе четыре сотни миль с разодранной спиной, питаясь ягодами и падалью. Голос человека, которого он бросил.

— Я здесь, Гласс, — шепчет старик. — Я всегда был здесь.

Хью Гласс выходит из тени. Лицо пересечено старыми шрамами, от уха до подбородка белесый рубец. Одет в заскорузлую замшу. За поясом — томагавк.

— Ты оставил меня, — говорит призрак без злобы. Просто констатирует факт. — Ты взял мою винтовку?

— Я был мальчишкой, — шёпот тоньше, чем ему хотелось бы. — Мне было семнадцать… Я боялся всего вокруг… В тот раз я впервые увидел такую жестокость, такие раны… Кровавый мешок, а не тело… Мы думали, ты не выживешь, поэтому ушли… Ты не мог выжить…

— Я выжил.

— Знаю.

Хью подходит ближе. Садится на край кровати. Перед ним живой — такой же настоящий и осязаемый, как доски этого дома. Старый Бриджер чувствует тяжесть его тела. Или это одеяло сползло, такое тяжёлое одеяло…

— Ты хорошо воевал, Джим, — говорит Гласс. — Позже. Я слышал про тебя. Ты стал самым известным среди нас, среди трапперов.

— Стал. А теперь вот…

— Теперь ты как я тогда. Лежишь и ждёшь, когда придёт смерть.

— Я не жду.

— Врёшь. Вот я в тот раз не ждал смерти, хотя на мне живого места не было. Я не ждал, я боролся за жизнь, я сопротивлялся, дрался. Дикий зверь не дерётся с такой яростью, какой дрался я. в те дни… А ты лежишь, словно уже умер.

Бриджер молчит. Потому что это правда. Он ждет. Но не смерти. Он ждет, когда туман рассеется и он снова увидит.

Рядом с Глассом появляется другой. Высокий. С рыжей бородой, в которой уже много седого. Фицпатрик по прозвищу Сломанная Рука.

— Ты помнишь тот день на реке Паудер? — спрашивает Фицпатрик. — Когда Шайены нас окружили?

— Помню.

— Ты вёл нас через болото, в кромешной темноте. Я думал, мы все утонем.

— Мы не утонули.

— Нет. Ты вывел. Ты всегда выводил.

Фицпатрик протягивает руку. Бриджер чувствует — нет, не чувствует, но знает, что если он сейчас подымет свою дрожащую ладонь, она встретит что-то. Что-то похожее на руку. Но его рука не слушается, немощное тело отказывается подчиняться Джиму. Рука лежит поверх одеяла, сухая, в коричневых пятнах, с распухшими суставами. Рука старика. Не та, что сжимала приклад так, что костяшки белели. Не та, что бросала лассо в ночи и всегда захватывала добычу.

— Ты умираешь, Джим, — говорит кто-то третий.

Томас Фитцпатрик был реален. Он стоял здесь, на потолке, сейчас его лицо расплывается, превращается в пятно.

— Все мы умираем, — отвечает Бриджер тихо.

Он закрывает глаза — и проваливается, но не в сон, а в то, что хуже сна. Он проваливается в вязкую память, которая стала такой же реальной, как этот дом.

1824 год

Он плывет по Медвежьей Реке в своей примитивной лодке из бизоньей шкуры. Сразу за изгибом каньона вода становится горькой и солёной — такой солёной, что язык немеет. Это вода Великого Солёного Озера. Никто из белых здесь не был. Никто не знал, но Джим верил своему чутью.

Он, Джим Бриджер, двадцати лет от роду, почти мальчишка, которого никто ни во что не ставит, оказывается прав в споре. Он выигрывает пари. Он открывает озеро, которое потом нанесут на географические карты. Он сидит в лодке один. Вода под ним бездонная, вокруг — пустота, только чайки кричат так же жалобно, как сейчас скрипит половица в коридоре.

— Вот она, судьба, — бормочет он в темноту. — Я мог тогда повернуть назад, и никто бы не узнал. Но я поплыл дальше. Почему?

Потолок молчит, ни звука не исходит со стороны потолка. Никто не произносит ни слова. Только вопрос беззвучно дрожит в воздухе.

Почему Джим не повернул обратно? Потому что он не мог иначе. Потому что внутри горело — горело, как костёр, который не потушить. Узнать. Увидеть. Пойти туда, где не был никто. Этот огонь испепелил его жизнь. Ослепил глаза. Но пока он горел — Джим жил.

1835 год

Доктор Маркус Уитман стоит над ним со скальпелем в руке. Индейцы вокруг смотрят, раскрыв рты. Из спины торчит наконечник стрелы — проклятые Черноногие. Целых три года Джим носил в себе наконечник стрелы. Три года железо тёрлось о кость, гноилось, болело так, что ночами он не спал, впивался зубами в толстый сыромятный ремень, чтобы не кричать.

— Крепись, капитан, — говорит Уитман.

— Я креплюсь, доктор, — цедит сквозь зубы Бриджер.

Наконечник выходит с чавкающим звуком. Три дюйма кованого железа. Уитман показывает его индейцам. Те удивлённо вскидывают руки, жестикулируют, громко обсуждают извлечённый из спины Джима наконечник стрелы.

— Ты можешь подняться, Джим, — произносил доктор и протирает ладонью выступивший на лбу пот.

Бриджер встаёт. Плечо саднит, по рубашке течёт кровь. Но он стоит. Он всегда стоит. Нельзя иначе, потому что если упадёшь в этих горах — то уже не поднимешься.

1843 год

Чёрная Развилка. Это место, где он решил остаться.

Вот он стоит на берегу ручья, смотрит, как его люди рубят лес для первого дома. Джим тоже работает топором. Топор тяжёлый, но рука помнит. Рядом — Луи Васкес, его партнер, молчаливый француз с вечно хмурым лицом.

— Здесь будет форт, — говорит Бриджер. — Здесь будет дорога.

— Здесь никого нет, — отвечает Васкес.

— Будут. Тысячи. Ты увидишь. Я назову этот укрепление моим именем.

Так возник Форт Бриджер.

Потом придут мормоны. Придут с ружьями и проклятиями. Сожгут его дома. Угонят скот. Он будет прятаться в лесу, слушать, как трещат бревна — его бревна, которые он сам укладывал, подгонял одно к другому. Чужие голоса. Чужая земля.

— Никогда не доверяй святошам, — учил его старый траппер. — У них совести нет, только вера.

Джим не послушал.

Шёпот в темноте

— Отец.

Голос Вирджинии. Реальный. Из настоящего.

— Ты опять говоришь сам с собой.

— Я не с собой, — хрипит он. — Я с ними.

Она садится рядом. Кладёт руку на его лоб — прохладную, пахнущую мылом. Рука дочери. Маленькой девчонки, которую он выкормил бизоньим молоком, когда её мать умерла при родах. Прямо здесь, в форте. Скончалась четвёртого июля восемьсот сорок девятого года. Джим хорошо помнит эту дату.

— С кем ты разговариваешь, отец? — спрашивает она тихо. Знает, что не поймёт, но спрашивает.

— С друзьями, — говорит он. — Они пришли попрощаться.

Она вздыхает. Думает — бред. Старческий маразм. Скоро конец. И она права. Конец скоро. Но это не бред.

1857 год

Армия Джонстона вмерзает в снег у стен его форта. Мормоны сожгли все припасы. Солдаты едят дохлых мулов. Офицеры, эти напомаженные щёголи из Вест-Пойнта, смотрят на него почти с мольбой, смотрят так, будто он — последняя надежда.

— Проведи нас через перевал, Бриджер, — угрюмо просит Джонстон. — Говорят, ты знаешь короткую дорогу.

Бриджер усмехается. Конечно, он знает нужную тропу. Он проложил её сам, он открыл этот путь, когда вёл Стенсбери в пятьдесят первом. Когда гнал фургоны с мехами в Сент-Луис. Когда тащился пешком, мёрз и голодал, пока эти господа пили бренди у жарких каминов.

— Пятьдесят долларов, генерал. Попрошу золотом. И я покажу вам перевал, которого нет ни на одной карте.

— У нас нет денег. Мы не наскребём столько.

— Тогда дайте мне просто хорошее седло. И чтобы никто не совал нос, когда я веду.

Он ведёт их через перевал Бриджера, свистит ветер, метёт метель. Ветер воет так, что не слышно собственного голоса. Вокруг — ни одного дерева, только снег и камни. Люди падают. Мулы слепнут. Но он идёт, и они идут за ним. Они верят ему, потому что он — легендарный Джим Бриджер. Он не теряет направление. Никогда.

Слепота

Перелом наступает внезапно.

Не в бою, не в горах, где он ждал смерти тысячи раз. А здесь. В этой проклятой дыре — Даллас, Миссури. Он сидит на крыльце, смотрит на запад — туда, где должны быть горы. Но их нет. Только расплывчатое серое пятно. Как будто кто-то закрасил небо белилами.

— Вирджиния, — зовёт он.

— Да, отец?

— Где горы?

— Горы, отец?

— Те горы. Скалистые. Я их всегда отсюда видел. Они там, на горизонте. Синие-синие.

Она молчит. А потом — тихо, чтобы он не слышал — всхлипывает.

В этот момент он понимает всё.

Глаза умерли. Он больше никогда не увидит Скалистых гор.

По ночам под потолком сгущаются тени, проявляются лица. Теперь их много. Вот Саблетт — весёлый, с вечно красным носом, предлагает ему глотнуть виски из фляги. А вот Гаррис, Чёрный Моисей, который видел больше, чем любой скаут. Васкес, старый друг. Джек Робинсон,

с которым они вместе возводили форт. И другие. Те, чьи имена никто не помнит. Трапперы, которых убили Черноногие. И те, кого убил он сам. Они стоят с краю, молчат, смотрят.

— Подвиньтесь, — говорит Гласс. — Дайте человеку пройти.

Они расходятся.

Потолок становится небом. Небом над Южным Перевалом. Тёмным, бездонным, звёздным небом.

Он смотрит в это небо, и в первый раз за много лет улыбается.

— Джим, — зовет его кто-то. — Джим, ты готов?

— Готов, — шепчет он. — Я всегда был готов.

Последний шаг

Дочь не понимает, о чём он бормочет. Она думает — умирающий бред. Но он не бредит, он просто собирается в дорогу, которая, может быть, приведёт его домой, в горы, где он снова пройдёт свой последний перевал.

Старик и старуха

рассказ

Чёрное Перо и Красная Птица были старыми, слишком старыми. Они не могли сказать наверняка, сколько зим осталось за их плечами, но соплеменники говорили, что не менее семидесяти зим. Это было очень много для тех времён.

Так повелось во многих кочевых племенах, что даже в более благополучные годы во время переезда стойбища на новое место стариков нередко покидали, оставляя им пропитание на несколько дней. Все знали, что их оставляли умирать, потому что они становились обузой.

Чёрное Перо и Красная Птица сами предложили семье остаться:

— Солдаты идут по нашим следам, — сказал Чёрное Перо едва слышным осипшим голосом. — Я и моя жена решили остаться. Не тревожьтесь о нас, дети. Нам пора уходить в другой мир. Если Длинные Ножи найдут нас, то мы умрём быстро. Вам будет легче без нас. Пусть Вакан Танка будет добр к вам.

Лохматый Барсук, их сын, долго молчал. Он понимал, что старикам тяжело. После битвы с генералом Кастером, этим Длинноволосым убийцей Шайеннов и Лакотов, племя перемещалось быстро, запутывая следы, чтобы сбить с толку армию. Длинноволосый вождь с жёлтыми волосами был убит, многие его люди остались на поле брани бездыханными и никогда больше не последуют за Лакотами. Но появились другие, которые собрались с силами, дождались помощи и теперь преследовали всех индейцев, участвовавших в битве на Маленьком Большом Роге.

Старики понимали, что они ничем не могли помочь племени, не могли сражаться, не могли заниматься хозяйством… Стариков было принято оставлять, если не было возможности ухаживать за ними. Теперь племя уходило от преследования, кто-то из старшего поколения поспевал, но кто-то задерживал людей. Чёрное Перо и Красная Птица

стали лишними. Они не хотели быть обузой.

Чёрное Перо позвал сына и сказал ему, что не пойдёт дальше:

— Уходите. Вам надо жить…

Старики сидели на разложенной шкуре бизона и смотрели подслеповатыми глазами на удаляющееся племя. Старики обнялись, накинув на себя промокшую под недавним дождём шкуру бизона. Они не собирались разводить костёр, потому что на дым костра вскоре пришли бы разведчики армии — Арикары, Вороны или Поуни.

Они сидели и молчали, прислонившись к одинокому тополю, такому же старому, как и они. Они вспоминали молодость, обменивались короткими фразами.

Чем была их жизнь и во что превратилась? Они успели познать счастье. Они жили на бескрайних равнинах. Муж участвовал в сражениях, был ранен много раз, приносил скальпы, и она плясала вокруг большого костра с этими скальпами, привязанными к длинными палками. С ней плясали жёны других героев. Она родила пятерых детей, но трое умерли, остались два сына, один из которых погиб в сражении с Длинноволосым генералом. Второй, Лохматый Барсук, жив и будет драться дальше, убивая без жалости белых людей, преследовавших родное племя…

Внезапно старики услышали далёкий конский топот. И тут же начал накрапывать дождь. Этот дождь обещал быть долгим, но пока он бросал на землю лишь отдельные крупные капли.

— Бледнолицые идут, — проговорил Чёрное Перо.

— Да, — согласилась, прислушиваясь, старуха.

Их обнаружили скоро. Первым ехал длинноволосый скаут. Они хорошо знали его. Фрэнк Гроард, прозванный Хвататeлем. Он много лет жил среди Лакотов, но однажды почему-то удрал к белым и стал их следопытом и толмачом.

Он сидел в седле на хорошей лошади.

— Вас бросили? — спросил он.

— Мы остались, — ответил Чёрное Перо.

— Теперь вы наши пленники, — сказал Гроард.

— Нам всё равно. Наши дни закончились. Мы сидим и ждём смерти.

— Вы наши пленники, и мы забираем вас с собой, — ответил Гроард.

Через несколько дней их вместе с другой небольшой горсткой немощных индейцев привезли к Тонкому Перешейку, где уже шла

неторопливая перестрелка. Они сидели в укрытии, не проявляя ни малейшего интереса к происходящему. Их жизнь была кончена, они это знали, как бы ни завершилось сражение. Вскоре к ним привели старого вождя, который держал обеими руками свои внутренности. Его живот был разорван картечью. Вождь не просил помощи, он просто молчал.

Вокруг пленников сидели несколько солдат и с любопытством разглядывали их, словно видели перед собой существ с иной планеты. Шёл дождь. Было холодно. Индейская война подходила к концу…

— Вакан Танка не так добр к нам, как мы думали, — проговорил Чёрное Перо, и жена молча кивнула.

Вождь с вывалившимися кишками поднял на него мутные глаза:

— Сейчас я покину вас, во мне не осталось сил, жизнь ушла. Я дрался, сколько мог. Вы останетесь здесь и отправитесь туда, куда вас повезут бледнолицые. Мне жаль. Вакан Танка отвернулся от нас. Или он заранее придумал, как закончить жизнь Лакотов? Он позволил белым людям отнимать нашу жизнь, откусывать её по кусочкам. И вот мы здесь… Там много убитых детей… Они уже никогда не вырастут, не узнают, кем мы были, как мы жили, сколько подвигов совершили… Я ухожу…

— Прощай, брат, — прошептал непослушными губами Чёрное Перо и посмотрел на жену. — Ты слышала? Бледнолицые не позволят нам спокойно покинуть этот мир. Они увезут нас с другими пленниками. Они заставят нас жить дальше.

Старуха печально покачала головой. Слабыми руками она вынула нож, спрятанный под одеждой.

— У меня не хватит сил, — сказала она с сожалением.

— Я попытаюсь, — ответил старик.

Он принял нож из худой морщинистой руки, скользкой от грязи и дождя, и приставил его к горлу жены. Она кивнула, подбадривая его. Он надавил на самое уязвимое место. Из раны вяло потекла старческая кровь. Его ослабшая рука выронила нож. Он обнял жену. Она вздохнула с облегчением:

— Скоро мы опять встретимся…

— Да.

Чёрное Перо глубоко вздохнул и поднял нож. Холодные пальцы с трудом сжали рукоять. Старик понял, что не сможет нанести удар с достаточной силой. Некоторое время он сидел под струями дождя

и смотрел на умиравшую жену. Она лежала неподвижно, закрыв глаза. Лицо её было спокойно. Старик опять вздохнул и повалился на землю лицом вниз, приставив нож к своему горлу, надеясь, что вес его исхудавшего тела поможет ему справиться с последней важной задачей: не отстать от жены, чтобы через несколько мгновений увидеть её в стране вечного солнца и вечно зелёной травы…

А вокруг над землёй тянулся сизый пороховой дым, хлестал холодный дождь, и не было видно конца противостоянию между людьми, их взглядами, их привычками.

Повесть о рядовом Джоне Ферзмане

рассказ

Джон Ферзман никогда не думал, что война может быть такой. Он представлял её иначе — по картинкам в дешёвых газетах, по рассказам старых ветеранов в тавернах Чикаго. Там были штыковые атаки, развевающиеся флаги, трубы, зовущие вперёд. Там была слава.

Здесь не было ничего.

Здесь была грязь по колено, холодный дождь, не прекращавшийся уже третью неделю, и запах. Запах мокрой шерсти, разлагающейся кожи и собственного страха.

Они шли на север, куда-то на север, но куда именно, солдаты не знали. Сначала был Гусиный ручей, потом бесконечные извилины Языковой Реки. Лошади падали в грязь и не вставали. Поначалу солдаты пытались помогать им, гладили по мордам, шептали что-то утешительное. Потом приказ генерала Крука запретил всякую сентиментальность, и в обессиливших животных начали стрелять на месте.

Джону запомнился первый выстрел. Оглушительный, резкий, после которого эхо долго бродило между голыми холмами. Лошадь — гнедая кобыла с добрыми глазами — рухнула в грязь, дёрнулась пару раз и затихла.

— Мясо, — коротко бросил сержант.

Джон смотрел на тушу и не мог пошевелиться. Его тошнило. Не от запаха — от мысли, что через час он будет жевать эту лошадь, которая ещё утром терлась носом о его плечо.

Он жевал. Все жевали. Голод оказался сильнее брезгливости.

***

Первый раз он увидел индейца на расстоянии выстрела.

Это было на рассвете, когда туман стелился по долине, и в серой мгле нельзя было разобрать, где кончается земля и начинается небо. Кто-то крикнул: «К оружию!» — и Джон, ещё не проснувшись, схватил

карабин. Он ничего не видел. Только тени, мелькающие между деревьями. Только свист — то ли ветра, то ли пуль. Он стрелял наугад, туда, где, как ему казалось, кто-то двигался. Сердце колотилось, его пульсация отдавалась под самым горлом. Пальцы онемели от холода. После того как стрельба утихла, сержант насчитал четырёх убитых индейцев. Джон подошёл посмотреть.

Они лежали на голой земле — двое мужчин, женщина, ребёнок. Ребёнку было, наверное, лет десять. Мальчик. В грязной рубашонке, с заплетённой в косичку чёрной прядью.

Кто-то рядом сплюнул и сказал:

— Проклятые дикари.

— Да, — ответил Джон.

Но в ту ночь он не спал. Всё смотрел в темноту и видел лицо мальчика. И думал: зачем мальчик пошёл на войну? Или война сама пришла к нему?

***

Когда кончились галеты, люди начали голодать по-настоящему.

Сначала просто кружилась голова и сосало под ложечкой. Потом начались судороги. Джон видел, как один парень из роты «В» упал прямо на марше — просто сложился пополам и рухнул лицом в грязь. Его не стали поднимать. У него не было сил идти дальше, а у других не было сил его тащить.

Он остался там. Джон так и не узнал, выжил ли он.

Второго октября у них кончилось всё. Даже кофе, который варили из какой-то трухи, даже сахар, который таял в промокших карманах. Оставалась только конина — жёсткая, жилистая, почти без соли.

Джон жарил мясо на прутике, как учили, но огонь никак не разгорался — всё вокруг было мокрым. Он жевал сырую конину и плакал. Не от жалости к себе — от злости на генерала Крука, который завёл их сюда, на генерала Терри, который не прислал подкрепления, на индейцев, которые уходили всё дальше на север, в горы, где их нельзя было достать.

«Зачем им эта земля? — думал он. — Зачем им воевать? Они могли бы сидеть в резервациях, получать еду, одеяла. Зачем умирать ради камней и сухой травы?»

Он не понимал. Но где-то глубоко, там, где рождаются сомнения, он чувствовал, что индейцы знают что-то, чего не знает он. Что-то, ради

чего стоит мёрзнуть, голодать и умирать. И это знание делало их сильнее. А его — слабее.

Он боялся их. Не только пуль и стрел — боялся их правоты.

***

Битва при Слим-Бьюттс стала для Джона адом наяву. Он не помнил, как началась стрельба. Просто в какой-то момент мир взорвался свистом, криками, дымом. Кто-то бежал мимо него с окровавленной рукой. Кто-то лежал на земле, стонал и по-детски звал маму. Джон стрелял. В туман, в тени, в людей, которых не видел. Перезаряжал. Снова стрелял.

Потом был овраг.

Оттуда доносился плач женщин и детей. Индейцы прятали семьи в расщелинах, за камнями, в грязи. И солдаты стреляли туда, потому что боялись и потому что из оврага тоже стреляли.

Джон сжимал карабин и вглядывался в чёрный провал между скал. Оттуда доносились крики на незнакомом языке — гортанные, резкие, полные отчаяния и ярости.

«Убей их, — шептал внутренний голос, — иначе они убьют тебя первыми».

Он поднял карабин, но не успел нажать на спусковой крючок. Кто-то крикнул «Прекратить огонь!». Оказывается, генерал решил начать переговоры.

Время тянулось медленно…

Из оврага вышли женщины. Одна прижимала к себе мёртвого ребёнка. У другой была прострелена рука, она держала её перед собой, и кровь капала на камни, а лицо её было спокойным. Мёртво-спокойным. Джон смотрел на неё и не мог отвести взгляд. У неё были такие же глаза, как у той женщины из первого боя, у которой убили сына. Такие же, как у матери Джона, когда она смотрела на портрет отца, не вернувшегося с гражданской войны.

Он опустил карабин прикладом в грязь, впился обеими руками в холодный ствол и опёрся на оружие всем телом.

***

Ночью, когда битва стихла и костры догорали в грязи, Джон сидел у крохотного огня и смотрел на пленных. Их было много — женщин, стариков, детей. Они сидели, прижимаясь друг к другу, и молчали. Никто не плакал, не просил пощады. Страшное молчание.

Рядом с Джоном присел на корочки старый разведчик, который говорил на их языке. Его звали Фрэнк Гроард.

— Почему они не сдаются? — спросил Джон. — Мы убили их воинов. У нас есть их дети. Почему они молчат?

Гроард посмотрел на него долгим взглядом.

— А ты бы сдался, если бы кто-то пришёл на твою землю, сжёг твой дом, убил твою семью? — спросил он. — Они не воюют за золото. Они воюют за свои могилы.

Джон хотел ответить, что эта земля принадлежит Америке, что президент велел индейцам уйти в резервации, что так надо для порядка, для цивилизации. Но слова застряли в горле. Он смотрел на девочку лет четырёх, которая жалась к матери и не плакала, только смотрела перед собой пустыми глазами.

«Она вырастет, — подумал Джон, — и будет помнить всё это, будет ненавидеть нас. И будет права».

Он вдруг понял, что они с индейцами — одно и то же. Те и другие хотели одного: земли, где можно жить. Хотят семью, которую можно защитить. Завтрашнего дня, в который можно верить. Только вот индейцы потеряли всё это раньше, чем он. И он был одним их тех, кто отнял у них последнее.

Он ненавидел их. Да. Ненавидел за то, что они не сдавались, не плакали, не просили пощады. Они были сильнее — даже голодные, даже раненые, даже разбитые. Они не ломались. А он — Джон чувствовал, что внутри него что-то ломается прямо сейчас. Он ненавидел их. И сострадал им.

***

Поход закончился внезапно.

Однажды утром они услышали крики — не боевые, не предсмертные, а радостные. Кто-то бежал по колонне, размахивая руками: «Обоз! Обоз с продовольствием!» Джон не поверил. Слишком часто ему казалось, что он видит фургоны на горизонте — миражи, рождённые голодным мозгом. Но на этот раз миражи оказались настоящими. Быки, фургоны, мука, бекон, даже масло и яйца. Джон смотрел на эти ящики с едой и не мог понять, как это всё помещается в такой маленькой таре. Он взял кусок хлеба — настоящего, белого хлеба — и не мог его съесть. Слишком много. Слишком хорошо.

Он заплакал. Нервы сдали. Он плакал от облегчения, от усталости,

от того, что всё это закончилось. И от того, что не закончилось ничего.

Индейцы остались там, на севере. Они будут воевать дальше. А он — он будет либо убивать их, либо умирать от их рук. Другого пути не было.

Или был?

***

Всё кончилось.

Стрельба смолкла. Джон сидел у стены какого-то сарая и чистил карабин. Вокруг суетились люди: кто-то таскал трофеи из деревни, кто-то менял пробитые сапоги на мокасины из оленьей кожи, кто-то просто спал, привалившись к седлу.

Джон чувствовал пустоту. Не голод — того больше не было. Он ощущал пустоту, поглощавшую его изнутри. Там, где раньше жила ненависть, теперь притаилась тишина.

Он смотрел на карабин и не понимал, зачем он ему. Кого он будет убивать? Тех женщин, которые выходили из оврага с мёртвыми детьми? Тех стариков, которые сжимали палки зубами, когда им резали животы без наркоза?

Он вспомнил Американского Коня — вождя, который выполз из оврага, держа обеими руками собственные внутренности, вывалившиеся из разорванного живота. Вождь отказался от морфия, чтобы не показаться слабым перед своими людьми. Вождь умер молча, сидя у костра и прижимая к себе свои окровавленные кишки.

«Такой враг не сдаётся, — подумал Джон. — Такой враг умирает стоя».

Джон свернул самокрутку, насыпав последнюю щепотку табака, провёл языком по ней, прикурил от угольков костра.

Хлопок…

Джон услышал его — далёкий, резкий, похожий на удар хлыста. Кто-то стрелял. Где-то за холмами, может быть, в миле отсюда. Может быть, из засады. Может быть, просто кто-то чистил ружьё и спусковой крючок сорвался.

Он не успел испугаться. Не успел понять.

Пуля вошла в бок — мягко, почти нежно. Так игла входит в ткань. Джон даже не почувствовал боли. Просто стало тепло. И мокро внутри. Он посмотрел вниз. Рубашка темнела на глазах. Кровь — своя собственная кровь — казалась чужой, незнакомой.

«Вот и всё», — подумал он.

Солдаты вокруг кричали, бежали к нему, кто-то звал доктора, кто-то

рвал рубаху, пытаясь зажать рану. А Джон смотрел в серое небо над Чёрными Холмами — низкое, тяжёлое, обещающее новый дождь. Он вдруг вспомнил мать. Её руки, пахнущие пирогами и мылом. Её голос, когда она пела ему на ночь. Он не слышал её голос уже три года.

— Мама, — прошептал он. — Я устал.

Боль пришла потом. Волнами. Острая, рвущая, невыносимая. Джон закричал — впервые за весь этот чёртов поход. Он кричал не от боли — от обиды. За то, что не понял вовремя. За то, что убивал тех, кто хотел того же, чего хотел он сам. За то, что война не закончилась, она никогда не заканчивается.

Он закрыл глаза. Уснуть. Скорее уснуть, чтобы всё вокруг исчезло.

Вокруг кричали люди, носились с носилками, кто-то стрелял снова — далеко, где-то за холмами. А Джон Ферзман, рядовой армии Соединённых Штатов, двадцати двух лет от роду, сын фермера из Иллинойса, умирал в грязи под открытым небом, сжимая в кулаке индейский амулет из волчьих зубов, который нашёл в разграбленной деревне.

В последнюю секунду ему почудилось, что кто-то гладит его по голове. Тёплая ладонь. Спокойная.

Он улыбнулся.

Битва на Тонком Перешейке (Slim Buttes)

Исторический очерк

Сражение на Литтл-Биг-Хорн, где был разгромен отряд генерала Кастера, считается наивысшей точкой славы Титон-Сиу и Шайенов на военном поприще, а битва при Слим-Бьютс, произошедшая всего одиннадцать недель спустя, ознаменовала закат их славы. Это сражение стало кульминацией кампании бригадного генерала Джорджа Крука, который возглавил одну из самых трудных военных экспедиций в американской истории. «Голодный марш», почти постыдный марш генерала Крука, во время которого его солдаты были вынуждены питаться кониной, также был чрезвычайно жестоким в наказании некоторых индейцев, разгромивших Кастера.

Поражение Кастера имело особое значение для людей Крука, поскольку оно произошло всего через восемь дней после того, как они сами получили хорошую трёпку от тех же самых индейцев в ожесточённом, продолжавшемся весь день бою в верховьях Роузбада.

Для Крука Кампания 1876 года против Сиу превратилась в изнурительные упражнения по принуждению индейцев вернуться в их резервацию на юго-западе территории Дакота. «Враждебные» (hostiles), как официально правительство обозначало этих индейцев, включали представителей всех семи племён Титон.

Первый серьёзный контакт произошёл 17 марта, когда солдаты под командованием полковника Джозефа Дж. Рейнольдса напали на деревню на реке Паудер на юго-востоке территории Монтана. Рейнольдс вытеснил большинство индейцев, захватил большой табун пони и сжёг типи. Однако индейцы сопротивлялись ожесточённо, несмотря на температуру ниже нуля, и после пятичасового сражения Рейнольдс утратил инициативу и позволил индейцам вернуть своих лошадей. Известие о неудаче разгневало Крука, и выдвинутые им обвинения привели к военному трибуналу Рейнольдса и последующей

отставке последнего со службы. Примечательно то, что войска напали на мирный лагерь северных Шайеннов, а не враждебных Сиу. После этого Шайенны стали активными участниками боевых действий в Войне Сиу.

Рейнольдс сжёг ценные припасы, на которые Крук надеялся для пропитания своих войск, и эта потеря вынудила его отвести солдат из этого района до поздней весны. Затем Крук снова двинулся на север, но 17 июня на ручье Роузбад его войска снова были разбиты Лакотами и Шайеннами. После его отступления к Гуз-Крик для перегруппировки и ожидания подкреплений эти индейцы объединились, чтобы уничтожить Кастера.

Новость о разгроме Кастера, третьем и самом сокрушительном военном поражении Войны Сиу деморализовала всех. Крук решил оставаться на своей нынешней позиции и ждать дальнейших известий о военной ситуации и ожидаемых подкреплениях.

Как ни странно, несмотря на свою близость к полю битвы Кастера, Крук получил известия о сражении лишь через неделю после того, как американская публика прочитала о ней в газетах. Вся страна впала в уныние. Газеты призывали к скорейшему «продолжению войны с такой энергией, чтобы дьяволы равнин были рады сдать оружие». Враждебные должны быть «истреблены до корня, старые и молодые, мужчины и женщины».

Тем временем после своей победы на Литтл-Биг-Хорн объединённые силы Сиу и северных Шайеннов, насчитывавшие около 15 000 мужчин, женщин и детей, откочевали на юг к горам Биг-Хорн, к своим традиционным летним охотничьим угодьям. Продвигаясь, индейцы поджигали траву и кустарник, и до середины августа район между реками Биг-Хорн и Паудер представлял собой дымную, выжженную пустошь.

На берегу реки Паудер объединённые силы индейцев стали разделяться на мелкие отряды. В устье ручья Блу-Стоун произошёл основной раскол: некоторые индейцы ушли на север к реке Йеллоустон, в то время как другие отправились на юг вверх по Паудер. Большинство членов племён направились на восток небольшими группами к реке Литтл-Миссури.

По совету командующего генерала Уильяма Шермана Шеридан предложил Круку объединить силы с Терри, и собственные депеши

Терри, полученные в лагере на Гуз-Крик 12 июля, призывали к тому же. Крук согласился, но решил дождаться прибытия Пятого кавалерийского полка, прежде чем возобновить кампанию, и послал приказ полковнику Мерритту немедленно присоединиться к нему в Лагере Клауд-Пик. Отряд Шошонов под руководством Вашаки обыскал истоки Литтл-Биг-Хорн и доложил, что враждебные индейцы покинули этот район. Они, очевидно, были голодны и ушли в поисках дичи, так как разведчики Вашаки нашли сотни разбросанных костей собак и пони на покинутых местах стоянок.

1 августа, когда его терпение истощилось, Крук передвинул свой отряд на короткое расстояние по выжженной огнём местности к реке Тонг, надеясь получить хоть какое-то представление о присутствии либо Терри, либо индейцев. Терри нигде не было, и было очевидно, что враждебные дикари действительно ушли на свежие охотничьи угодья. 2 августа гонцы Мерритта достигли Крука, сообщив, что войска Пятого кавалерийского полка теперь движутся вверх по Гуз-Крик. На следующий день Крук отдал приказ своему отряду выступать навстречу запаздывающей колонне. Силы Крука и Мерритта наконец объединились вечером 3 августа.

Среди разведчиков, собравшихся на Гуз-Крик, был назначенный главным разведчиком Крука Фрэнк Гроард. Искусный frontiersman, которому в 1876 году было всего двадцать пять лет, предположительно родился в южной части Тихого океана, сын американского миссионера и его полинезийской жены (по другой версии, он был сыном креола и женщины из племени Оглала). В юности Гроард был захвачен отрядом Сиу, когда работал верховым почтальоном в Монтане. Он провёл несколько лет со своими похитителями, выучив их язык и образ жизни и получив знания о стране, которую они населяли. Этот опыт помог ему, после того как он покинул Сиу, Гроард поступил на службу в армию и быстро завоевал доверие генерала Крука. Уильям Ф. («Буффало Билл») Коди тоже примкнул к экспедиции, подписал контракт; он был уже знаменитым скаутом, но формально в иерархии гражданских служащих стоял ниже Гроарда. Однако Коди умел себя подать, превращал каждый свой шаг в шоу, поэтому его имя даже в этой не очень успешной кампании стало известно больше, чем имя Гроарда.

Организованная и снабжённая, экспедиция устроилась на свою последнюю ночь на Гуз-Крик. Как сообщал корреспондент Финери: «В ту

ночь ветер задувал как сумасшедший. Это был наш последний шанс побыть под палаткой некоторое время, и старый Борей решил, что мы не должны наслаждаться этим. Три четверти палаток были снесены, а облака пыли и дыма, сдуваемые с горящих прерий и лесистых холмов, были настолько ужасны, что удушье грозило тем, у кого хватало философии или необходимой усталости, чтобы спать».

***

Экспедиция на Биг-Хорн и Йеллоустон покинула лагерь в субботу утром, 5 августа, и двинулась на север. Освобождённые от всего громоздкого снаряжения, люди шли налегке, «как старые разбойники с большой дороги», писал Финери. Пехотинцы покинули Гуз-Крик около четырёх часов утра, на три часа раньше кавалерии, которая осталась, чтобы помочь упаковать палатки и излишки багажа, оставляемые квартирмейстеру Фьюри. Большинство кавалеристов Второго и Третьего полков (то есть те солдаты, которые были в поле непрерывно с зимы) были уставшими и измождёнными. Их лошади не ели кукурузу или зерно в течение двух месяцев, «и по крайней мере треть из них выглядела вполне готовыми для конского кладбища».

Кавалерия наступала тремя колоннами, перед которыми шло несколько проводников под руководством Коди и Гроарда. Весь день отряд медленно продвигался на север, проходя вдоль Прэри-Дог-Крик к реке Тонг и мимо места, где враждебные сиу обстреляли расположившихся лагерем солдат 9 июня. Пройдя двадцать миль, войска остановились на ночлег. Как мера предосторожности против внезапного нападения индейцев, Крук расположил своих людей по большому кругу, поместив скотом внутри. Это расположение сохранялось и в последующие ночи.

Крук узнал от разведчиков-Кроу, ранее присланных ему Терри, что след враждебных индейцев находится где-то впереди. Однако он опасался, что в конце концов индейцы рассеются в поисках дичи, а не встретятся с солдатами в бою так скоро после стычки с Кастером. Утром 8 августа солдаты проснулись среди такого густого тумана и дыма, что едва могли видеть своих товарищей. После нескольких часов медленного продвижения вдоль Роузбад Крук приказал остановиться. Поздним вечером ветерок очистил воздух, и в шесть часов марш возобновился, продолжаясь до раннего утра. Участник описал это продвижение: «Не было слышно ни звука, кроме торжественной поступи

кавалерийских колонн, движущихся во тьме, за исключением случаев, когда одинокий осёл, привязанный к вьючному поезду, давал волю своим взволнованным чувствам в рёве, который среди горных эхо звучал как смех легиона насмешливых дьяволов». После того как нарушителя спокойствия быстро заставили замолчать, колонна остановилась в 2 часа ночи и расположилась на бивак.

Пока колонна Крука прокладывала свой путь к Йеллоустону, надеясь получить сведения о местонахождении индейцев, генерал Терри поднялся вверх по Роузбад, стремясь установить связь с Круком. 10 августа, в тридцати милях выше устья Роузбад, колонны буквально столкнулись друг с другом в неловкой и несколько забавной встрече-сюрпризе. Коди был послан определить источник поднимавшегося на севере столба пыли. Он вернулся и доложил, что Терри близко, и Крук приказал своему отряду расположиться лагерем. Но разведчики Терри, увидев Шошонов в авангарде Крука, приняли их за враждебных дикарей и отправили командующему соответствующую весть. Терри развернул свои войска в боевую готовность и двинулся вперёд, прежде чем понял, что перед ним не враг. Здесь к ним присоединились остатки полка генерала Кастера.

Финери писал: «Главное, что привлекло моё внимание и внимание всех наших сил, был остаток 7-го кавалерийского полка. Он вошёл, построившись в восемь небольших рот, ведомых майором Рино (вторым командующим в полку Кастера при Литтл-Биг-Хорн), — низким, коренастым мужчиной около 50 лет, с решительным лицом, сильно опалённым солнцем и ветром. Многие из офицеров и солдат выглядели уставшими, грязными и испытывающими отвращение ко всему вокруг».

Ночью 11-го числа погода стала дождливой и бурной, и люди Крука без палаток с дискомфортом переносили шторм. «Каждый дюйм какой-нибудь высоты был гораздо важнее, чем звания и чины, — вспоминал полковник Гиббон, — и счастлив был тот, кто положил своё одеяло на возвышенности, а не в низине». Плохая погода продолжалась до второй половины дня 12-го числа, сильно затрудняя продвижение. «Все спят под дождём и в грязи, пьют горький кофе, едят галеты и жуют сырой бекон», — сообщал Финери. «Всё это — спутники войны и славы. Лучи звезды „славы“ состоят из грязи, лишений и разочарований».

Тем не менее, объединённые отряды продолжали преследование неуловимого и, казалось, давно исчезнувшего врага. Кавалерийские

лошади, уставшие от недель кампании, теперь начали выдыхаться, и некоторых пришлось бросить. Даже лошади Пятой кавалерии, относительно свежие по сравнению с другими подразделениями, начали падать от истощения к тому времени, когда войска достигли Пампкин-Крик и направили свой марш на восток к реке Паудер. Настолько изнурены были лошади, что пехотинцы Крука ушли на бивак задолго до того, как всадники добрались до лагеря.

Индейский след всё ещё вёл на восток, но Круку нужно было пополнить свои припасы, прежде чем возобновить погоню. Как выразился Терри: «Было сочтено неблагоразумным вступать на территорию между реками Паудер и Миссури без полного объёма продовольствия, которое могли нести наши вьючные мулы». Самым необходимым было зерно для лошадей. Задержка в доставке провизии была вызвана трудностями, с которыми столкнулось судно снабжения при навигации по мелководью Йеллоустона. Крук не советовался ни с одним из своих офицеров или проводников о том, где могут быть индейцы — пренебрежение, которое опечалило его штаб и разозлило его разведчиков. Буффало Билл Коди, испытывая отвращение, покинул экспедицию и отправился на восток. В Форте Бьюфорд на пути вниз по Миссури Коди осудил всю операцию перед журналистом: «Он сказал прямо, что солдаты не хотят или не намерены сражаться; что он измотал себя, разыскивая индейцев; и, когда он обнаруживал их местонахождение, никто не был готов „пойти на них“. Он сказал, что указывал на свежие следы, а их отвергали как старые. Его надежда на успешное преследование угасала. Это и многое другое в том же духе слетело с губ известного разведчика, который казался неутомимым и откровенным в своём осуждении всего этого дела».

Мнения Коди разделяли и другие. Лейтенант Кинг предположил, что, пока военная экспедиция остаётся под руководством Терри, командование «никогда не поймает, не убьёт и не напугает 40 индейцев… Осторожность Штаба превосходит всё». Чтобы усугубить ситуацию, Ютя и Шошоны, убеждённые, что объединённая колонна никогда не догонит Сиу, также покинули Крука. Эти разведчики, очевидно, предвидели ожидающие их лишения, поскольку они были по большей части не знакомы с негостеприимной местностью Дакоты. Возможно, более важным было то, что в агентстве Вашаки наступило время выплаты ежегодного довольствия. Многие из гражданских

добровольцев тоже ушли от Крука.

Чтобы компенсировать потерю своих разведчиков-Шошонов, Крук взял несколько Арикаров, одолжив их у генерала Терри. После пяти дней практически бездействия Крук жаждал снова пуститься в путь.

Судно с припасами прибыло 23 августа. Крук снарядил свои силы так же скудно, как и раньше, с рационом для каждого человека на пятнадцать дней. Он запретил брать с собой что-либо дополнительное, кроме одеял, шинелей и прорезиненных плащей. В ночь перед выступлением на солдат обрушился затяжной дождь. Сильные ветры раскачивали деревья, под которыми стоял генерал Крук, закутанный в синее пальто, и в конце концов он отправился искать укрытие в другом месте. Газетчик описал офицеров без надлежащей посуды, использовавших куски галет вместо тарелок и с одной вилкой на шесть человек. «Одинокая вилка была по выбору, непрекращающийся дождь — нет, и под ним энтузиазм по поводу простоты немного смылся». На следующее утро, промокшие и несчастные, армии Терри и Крука снова двинулись вверх по Паудер-Ривер, чтобы наткнуться на следы индейцев, которые они уже видели неделю назад. Сообщение от армейских подразделений охраны на Йеллоустоне вскоре убедило Терри, что некоторые из враждебных попытаются пересечь реку и двинуться в Канаду.

Не желая упустить этих индейцев, Терри отделился от Крука 26 августа. Вскоре после этого, 5 сентября, он расформировал свои силы, вернулся в Форт «Авраам Линкольн» и в соответствии с новой политикой Шеридана приступил к разоружению индейцев в агентствах Сиу. Полковник Майлз и Пятый пехотный полк остались патрулировать Йеллоустон в течение зимы 1876—77 годов.

***

Уход генерала Крука с реки Паудер в конце августа 1876 года ознаменовал начало одного из самых изнурительных маршей в американской военной истории. Погода, и без того плохая, становилась холоднее с каждым часов, не по сезону сильные ливни почти непрерывно терзали солдат в течение следующих трёх недель. В воскресенье, 27 августа, колонна прошла через безлесную, холмистую местность вокруг О'Фаллон-Крик — ручья, который, как заметил один наблюдатель, отличался «самой липкой грязью на американском континенте». Как заметил Финери: «Лошади увязали в грязи

по коленные суставы, а у солдат срывало ботинки, когда они пытались вытащить ноги из липкой слизи». Однако этот шторм показался всем слабым по сравнению с тем, который обрушился на отряд тремя ночами позже. Не имея никакого укрытия, люди повернулись спиной к «градинам размером в две трети куриного яйца». Лошади, испуганные грохотом, понеслись в темноту; некоторые прыгнули в ручей и утонули.

Чтобы экономить рацион и предотвратить цингу среди своих солдат, Крук предложил им есть кактусы и индейские репы, которых в изобилии водилось в этой местности. Некоторые из людей попробовали жарить опунцию, но эксперимент в целом провалился и в ряде случаев вызвал хроническую дизентерию. С повышением сырости и холода стало возникать больше болезней, особенно диарея, невралгия и ревматизм. Двое офицеров заболели малярийной лихорадкой, и их пришлось перевозить на лошадиных волокушах (травуа). Один человек пострадал от укуса гремучей змеи.

Всё это время гражданские разведчики и Арикары прочёсывали местность в поисках индейцев. 31 августа след начал раздваиваться, а на следующий день, вдоль Бивер-Крик недалеко от Сентинел-Бьюттс, Фрэнк Гроард обнаружил первые веские доказательства того, что племена рассеялись. Войска продвигались осторожно, и в течение следующих нескольких дней они изредка видели небольшие отряды воинов, но индейцы держались на безопасном расстоянии, стремясь исключить любое преследование, и к тому времени, когда армия Крука достигла реки Литтл-Миссури, основной след исчез полностью. Остались лишь незначительные остатки троп, тянущихся на юг и восток в общем направлении к агентствам. Однажды Гроард нашёл четырёх брошенных пони и привёл их в лагерь. Поздно ночью несколько осмелевших индейцев обстреляли пикеты Крука.

4 сентября колонна перешла вброд Литтл-Миссури в том месте, где Терри и Кастер стояли лагерем в мае. Кукуруза, которой питались их лошади, проросла, и солдаты Крука теперь вместо кукурузных зёрен обнаружили стебли высотой от десяти до двенадцати футов. Люди воспользовались этим неожиданным, хотя и скудным дополнением к их сокращающемуся рациону. Ближе к вечеру того же дня разведчики заметили дикарей на большом расстоянии, завязалась перестрелка; они убили одного пони и ранили индейца.

Стычки с перестрелками снова произошли на следующий день, когда

разведчики наткнулись на то, что оказалось арьергардом индейцев. Это началось, когда горстка воинов появилась недалеко от разведчиков. Последние под командованием майора Стэнтона бросились в погоню, преследуя индейцев почти пять миль, пока внезапно к убегавшим дикарям не присоединилась большая группа, которая развернулась и атаковала разведчиков, поспешно отступивших. Один разведчик, Батист (Биг Бэт) Пури, чья лошадь выбилась из сил, спешился и приготовился к худшему. Двое других разведчиков, Джек Расселл и Батист (Литтл Бэт) Гарнье, присоединились к нему для обороны, в то время как остальные продолжили отступление. Каким-то образом эта маленькая группа заставила индейцев отступить. Двадцать минут спустя Стэнтон вернулся и предложил возобновить преследование дикарей. Пури, взбешённый тем, что его бросили, сказал майору: «Если вы хотите пойти за ними, валяйте. Мы не пойдём». Позже Стэнтон доложил об инциденте Круку, который поговорил с Пури об этом. Пури объяснил, что его бросили, и генерал выразил сочувствие едкой реакции Биг Бэта.

5 сентября Крук разбил лагерь в верховьях Харт-Ривер. В тот вечер он написал Шеридану о рассеянии враждебных отрядов: «За исключением нескольких типи, которые украдкой направились к агентствам, не было никаких изменений в размерах или расположении деревни до тех пор, пока она не распалась. Все признаки показывают, что враждебные индейцы сильно нуждаются в пище и что теперь они путешествуют небольшими группами, прочёсывая страну в поисках мелкой дичи».

Крук решил идти в Блэк Хиллс и приказал своему отряду перейти на половинный рацион — пищи, если её экономить, хватило бы солдатам на четыре дня. С наступлением темноты, под непрекращающимся дождём, разведчики-Арикары покинули лагерь, направляясь в Форт Линкольн с посланием Крука для Шеридана в Чикаго.

Лейтенант Бурк описал переполох из-за попавшего в лагерь зайца: «Солдаты, вооружённые лассо, торбами и недоуздками, наступают со всех сторон и продолжают преследование, пока бедный маленький зайчишка буквально не забегается насмерть. Поднимается столько криков, воплей и визгов, что можно подумать, будто режут тысячу бизонов».

В ещё худшем состоянии, чем солдаты, находились вьючные мулы и кавалерийские лошади. Поскольку трава была либо сожжена

враждебными, либо не высохла и была несъедобна, животные медленно голодали. Как вспоминал Чарльз Кинг: «В начале лета длинная пехотная колонна, обременённая только винтовками и боеприпасами, отправлялась в дневной марш на час раньше кавалерии, чтобы к полудню конница догнала и обогнала их. Как только мы пересекли илистые равнины Литтл-Миссури, всё изменилось. Мы, конники, отправлялись в путь, как только люди заканчивали утренний кофе и остатки бекона, но через час большая часть отряда уже шла пешком, таща своих унылых коней, и задолго до полудня тощие и жилистые, эти благословенные пехотинцы уже шагали рядом, а затем и впереди, небрежно спрашивая, не нужен ли нам буксир». 4 сентября Бурк отметил: «в наши умы вкрадывается убеждение, что мы не можем избежать альтернативы — голода или убийства и поедания наших мулов и лошадей».

Однако до тех пор, пока эта необходимость не возникла, погонщики и кавалеристы верными своим животным. Они разговаривали с лошадьми и, подражая главному погонщику Крука Тому Мурру, втирали беконный жир в их болячки, готовили вьючные сёдла и подушки так, чтобы они не натирали повреждённую кожу. Всё было напрасно. Всё больше слабых животных приходилось бросать. Каждый день лошади падали в грязи, некоторые поднимались, чтобы ковылять или их тащили за отрядом. Крук наконец приказал отстреливать всех брошенных лошадей. Капитан Энсон Миллс из роты M Третьего кавалерийского полка вспоминал: «Я со своим эскадроном был арьергардом, и Крук приказал мне отстреливать всех выдохшихся лошадей. Мы застрелили 70 лошадей в тот день, которых нашли брошенными по пути. Около 1/3 кавалеристов были в пешем строю, и некоторые офицеры тоже были пешими, особенно те, у кого не было запасных лошадей. У меня было две хорошие лошади. Джон Ф. Финери был пешим, и ему это не нравилось, потому что я не позволял ему ездить на моей запасной лошади».

Ливни продолжались, и потоп следовал за потопом. «Прошло уже больше месяца с тех пор, как у нас была смена одежды», — докладывал Бурк. 5 сентября Крук приказал ежедневно забивать ослабевших лошадей на мясо из расчёта три лошади на кавалерийский батальон. Офицеры и солдаты сочли эту директиву практически каннибалистической. Многие считали, что животные заслуживают

лучшей участи, и, похоже, мулы были основным источником пищи до 7 сентября, когда первые лошади были убиты, разделаны, приготовлены и съедены.

Доктор Макгилликадди записал в своём дневнике: «Переместили лагерь на 30 миль к югу. Лагерь на верховьях Бир-Крик, в 6 милях к юго-западу от Рейни-Бьютт. Рацион 1/4 без бекона. Нет дров, чтобы приготовить бекон, которого у нас не было. Глинистая вода. 150 миль к северу от Дедвуда. 14 брошенных лошадей». За ту же дату Бурк сделал следующую, аналогичную запись: «На закате, пройдя 30–35 миль, достигли пары больших щелочных прудов и разбили лагерь. Не было ни одной палки дров, ни одной величиной с мой палец. Мы прибегли к кипячению кофе на огне, разожжённом высушенной травой, которую нашли в трещинах и расщелинах почвы. Ножами выкапывали маленькие канавки, ставили над ними кружку с водой и положенной порцией молотого кофе, разводили огонь… Вода была настолько щелочной, что ни лошади, ни люди не могли её пить, а при кипячении она выбрасывала на поверхность пену из солевых и осадочных веществ, которая делала кофе решительно отвратительным». Он резко закончил: «Отряд мокрый, злой, голодный и испытывающий отвращение».

Ливень прекратился к утру 7 сентября, когда отряд возобновил марш. В тот день люди пересекли несколько индейских троп, ведущих на юг, но Крук не мог преследовать. Люди теперь падали вместе с лошадьми, так как дождь снова зарядил во второй половине дня. Один участник вспоминал солдат, «растянувшихся почти на двадцать миль по дороге, усталых, больных, полубольных и удручённых». Солдаты стали такими безутешными, писал лейтенант Уолтер С. Скайлер, что «я видел, как очень смелые люди садились и плакали, как дети, потому что не могли больше держаться». Больные ехали на носилках, которые тащили изнурённые животные, в то время как обессиленные пехотинцы взбирались на спины пустых вьючных мулов. В течение дня Крук получил депеши от Терри, сообщавшие о наличии припасов на Йеллоустоне, но Крук был теперь слишком близко к Блэк-Хиллз, чтобы поворачивать обратно. Генерал решил отправить отряд на самых сильных лошадях для срочного продвижения вместе с вьючными мулами, чтобы добыть провизию для своих голодающих войск в самых северных горнодобывающих городках Блэк-Хиллз.

После консультации с полковником Мерриттом Крук поручил

руководство эскортом капитану Энсону Миллсу, который командовал эскадроном Третьего кавалерийского полка. В тот вечер, когда отряд расположился на биваке, Миллс узнал, что он должен отобрать из каждой из десяти рот своего полка по пятнадцать человек с наименее изношенными лошадьми и выступить той же ночью. Лейтенант Джон У. Бабб, экспедиционный комиссар, должен был командовать вьючным поездом и заниматься закупкой припасов. В распоряжении Бабба для этой поездки находились главный погонщик Мур и пятнадцать помощников, которые должны были нагружать и управлять шестьюдесятью одним мулом.

Эскорт под командованием Миллса состоял из 150 специально отобранных кавалеристов Третьего полка, отряда, разделённого на два батальона по 75 человек в каждом. Одним командовал первый лейтенант Эммет Кроуфорд, другим — первый лейтенант Адольфус Х. Фон Люттвиц. Им помогали вторые лейтенанты Джордж Ф. Чейз и Фредерик Шватка. Бородатый Миллс, сорока двух лет, опытный ветеран индейских кампаний, имел повышения (brevets) за «храбрую и заслуживающую похвалы службу» во время Гражданской войны. Уроженец Индианы, Миллс поступил в Военную академию Вест-Пойнт в 1855 году, но пробыл там менее двух лет. Он отправился в Техас, где провёл исследование места для будущего города Эль-Пасо, отсюда его иногда называли отцом этого города. Младший брат, Эммет Миллс, был убит индейцами Апачи в Нью-Мексико в 1861 году. В том же году Энсон снова поступил на службу с началом Гражданской войны и продолжал служить офицером в сражениях при Мерфрисборо, Чикамоге и Нэшвилле, а также во время Атлантской кампании. Миллс был известен среди своих коллег как компетентный, хотя иногда и показной и резкий офицер, на которого можно было положиться в выполнении солдатского долга. На Паудер-Ривер в марте и на Роузбад в июне Миллс командовал кавалерийским батальоном, и Крук признал его преданным и способным лидером. В последующие годы Миллс изобрёл, запатентовал и заработал состояние на знаменитом плетёном патронном поясе Миллса, принятом на вооружение армии в США и за рубежом.

Среди сопровождавших отряд Миллса были разведчики Фрэнк Гроард и Джек Кроуфорд, а также два журналиста — Роберт Страхорн из «Rocky Mountain News» (Денвер) и Рубен Давенпорт из «New York Herald». Чарльз Р. Стивенс был назначен медицинским офицером.

Позже Миллс утверждал, что Крук дал ему конкретные указания атаковать и удерживать любую поддающуюся контролю враждебную деревню, которую он может встретить на своём пути. Однако лейтенант Бабб, вспоминая подслушанный им приказ Крука, сообщил, что генерал сказал Миллсу избегать боя, если он столкнётся с большой деревней, и вместо этого «обойти» её и отправиться в Блэк-Хиллз за припасами. Ясно, что это и было главной миссией Миллса. Крук также сказал Миллсу, что намерен оставаться на биваке весь следующий день, 8 сентября, чтобы дать отдых своему отряду. Поэтому Миллс не мог рассчитывать на немедленную поддержку Крука, если бы он активно вступил в бой с какими-либо индейцами. Миллс решил идти налегке и разрешил своим людям только по пятьдесят патронов на карабин.

Среди скопившихся индейцев на территории современного округа Хардинг в Южной Дакоте были Оглалы, Брюле и некоторые Шайенны. Хорошо снабжённые сушёным бизоньим мясом и дикими ягодами, эти группы дрейфовали на юг небольшими отрядами, которые поддерживали постоянную связь друг с другом. Один смешанный лагерь Минеконжей, Оглалов, Брюле и Шайеннов насчитывал тридцать семь типи, вероятно, около 260 человек. Одним из вождей был Минеконжу по имени Американский Конь (American Horse), также известный как Железное Перо, Железный Щит и Чёрный Щит. Другими вождями в лагере были Римский Нос (Roman Nose) из Оглалов (не путать с вождём Шайеннов с таким же именем, убитым на острове Бичер в 1868 году); а также Красная Лошадь, Собачье Ожерелье и Железный Гром — все Минеконжи.

Историческое упоминание лагеря как «деревня Американского Коня» проистекает только из его известного активного присутствия там во время боя. До сражения при Слим-Бьюттс Американский Конь был мало известен белым людям. Сообщалось, что он был сыном старого вождя Оглалов по имени Дым, который встречался с Фрэнсисом Паркманом в 1846 году. Этого индейца часто путают с вождём Оглалов по имени Американский Конь, который в 1876 году только начинал приобретать известность как эффективный оратор и переговорщик от имени своего племени.

Деревня компактно располагалась в широкой низине, защищённая с севера высоким хребтом, а с другой стороны ручья, на юге, круто поднимающимся, покрытым листвой откосом, который полого тянулся

вдаль к горам. Типи были сгруппированы вокруг различных оврагов и ручейков, пересекавших дно. Лесистая местность с родниковой водой и хорошими пастбищами обеспечивала членам племени потенциально хорошую охоту и в то же время скрывала их от армейских разведчиков. Широко окружая деревню с севера, юга и запада, возвышались шпили Слим-Бьюттс — невысокий хребет меловых известняковых и глинистых вершин, увенчанных соснами, который тянулся на двадцать миль к югу и от двух до шести миль с востока на запад. Название Слим-Бьюттс также произошло от Сиу, чей описательный термин для этой особенности означает «тонкий хребет» или «тонкий перешеек» в горизонтальном (север-юг), а не вертикальном смысле. Здесь индейцы отдыхали, не подозревая о приближении капитана Миллса и его солдат.

Покинув колонну Крука, отряд Миллса ехал пять часов сквозь дождливую тьму. Однажды они остановились у небольшого пруда, полного воды. Здесь Гроард зажёг спичку и при её свете обнаружил грязную, истоптанную копытами пони землю — признаки большого лагеря поблизости. В полночь, проделав восемнадцать миль, люди остановились, привязали своих лошадей и попытались заснуть на пропитанной влагой земле. В 4 часа утра 8 сентября они снова отправились в путь. Три часа спустя они огибали восточные склоны Слим-Бьюттс, где остановились и позавтракали дикими сливами. Хотя дождь прекратился, над местностью теперь стоял густой, плотный туман, ограничивая видимость. В восемь часов Миллс возобновил марш и продолжал двигаться до полудня, когда люди насладились кофе, пока лошади паслись. Кавалеристы продвигались вперёд, возглавляемые лейтенантом Кроуфордом.

Днём туман поднялся, и Гроард, ехавший впереди, заметил нескольких индейских охотников, чьи пони были высоко нагружены дичью. Около 3 часов дня разведчик обнаружил небольшой табун пони, пасущихся в четырёх милях впереди и близко к Утёсам, что было верным признаком близлежащей деревни. Узнав об этом, Миллс продолжил движение. Примерно в двух милях от табуна он приказал своему отряду спуститься в овраг и вместе с Гроардом быстро обследовал окрестности. Затем Миллс вернулся к отряду и посоветовался со своими офицерами, большинство из которых изначально были за атаку на лагерь. Он приказал своим войскам отойти на полмили к северо-востоку от предполагаемой территории деревни, пока они не достигли лощины,

через которую протекал ручей. Там они спешились. Миллс продолжил разведку, надеясь определить размер лагеря и спланировать курс действий против него.

Разведывательная миссия Миллса не была продуктивной, отчасти из-за Гроарда, который, как обнаружил Миллс, боялся приближаться к деревне. Гроард доложил Миллсу, что деревня слишком велика для его сил, чтобы атаковать, — предупреждение, которое Миллс предпочёл проигнорировать, потому что, как он выразился позже, «я не очень доверял Гроарду как бойцу». Вместе они приблизились достаточно, чтобы увидеть часть табуна и несколько типи, но не могли подойти ближе, так как боялись потревожить собак в лагере. Позже Гроард утверждал, что вошёл в лагерь и украл двух индейских пони. Миллс вспоминал этот эпизод: «Я… сказал Гроарду идти вперёд и определить точное местоположение деревни. Гроард ушёл и отсутствовал долгое время, а когда он вернулся, он подошёл к табуну, расседлал свою, поймал свежую лошадь… и оседлал её. Он вёл себя так трусливо и нерешительно, что я сразу заподозрил, что он готовится к бегству, если мы попадём в жаркую схватку».

В целом Миллс мало узнал о размере деревни и о её обитателях. Гроард не принёс никакой полезной информации. Годы спустя Миллс вспоминал детали той долгой, напряжённой ночи: «Я отдал приказ офицерам не разрешать никому из людей покидать овраг, но мы были мокрые и холодные, и я согласился позволить им развести костры, что они и сделали. После того как костры были разожжены, я увидел странную вещь. Облака были низко, и когда они проходили над нами, свет костров подсвечивал их, подобно тому, как прожектор освещает небо в тёмную ночь. Я боялся, что это выдаст нас индейцам, но погода была плохая, и они не выставили охрану». Голодные солдаты съели немного бекона и галет, которые у них были, а погонщики съели жидкую болтушку из муки и жира. Однажды ночью вьючные мулы попытались убежать, но их удержали привязи. Люди и лошади, «сгрудились как пчёлы» в лощине, отдыхали с неудобством, если вообще отдыхали. Возможно, солдаты думали о катастрофе Кастера, так как репортёр Давенпорт вспоминал, что «господствовало общее отупляющее предчувствие беды».

Тревога витала в воздухе, когда Миллс и его младшие офицеры встретились, чтобы обсудить положение. Капитан выступал за внезапную

атаку на рассвете. Хотя он не знал ни размеров деревни, ни численности воинов, Миллс, как он позже утверждал, «был готов рискнуть ввиду положительных приказов генерала Крука» атаковать любую встреченную деревню. Однако факты, похоже, говорят о том, что Крук упоминал о такой возможности только в том случае, если Миллс наткнётся на маленький лагерь, и приказывал, что в противном случае избегать любого боестолкновения, а индейцев обойти ради более срочной задачи — получения необходимых припасов в Блэк-Хиллз.

Так или иначе, в тот момент у Миллса было очень мало достоверных сведений, чтобы трезво оценить ситуацию. В сложившихся обстоятельствах его подчинённые были против слепой атаки, особенно в свете схожих условий, которые предшествовали гибели Кастера. Но Миллс настойчиво, философски и убедительно доказывал, что успех в войне во многом зависит от случая и преимущества. Преимущество было на стороне его концепции нанести удар на рассвете. Более того, убеждал Миллс, неспособность нанести решительный удар сейчас может привести к их обнаружению и стремительному отступлению преследованию, а состояние армейских лошадей предвещало войскам неприятности в таком случае. Столкнувшись с такой бесперспективной альтернативой, офицеры согласились с логикой своего капитана, хотя и неохотно.

План атаки состоял в том, чтобы подойти к голове деревни утром тремя параллельными колоннами, две внешние из которых будут спешены; на правом фланге отряд насчитывал пятьдесят семь человек под командованием лейтенанта Кроуфорда и на левом фланге отряд в пятьдесят три человека под командованием лейтенанта А. Х. Фон Люттвица. Центральная колонна из двадцати пяти человек, верхом, как только дневного света станет достаточно, чтобы видеть прицелы карабинов, или раньше, если индейцы обнаружат присутствие солдат, должна была атаковать с пистолетами и разогнать табуны индейских пони. Когда табун будет достаточно далеко, достаточное количество людей могли спешиться на дальнем конце деревни и закрыть промежутки между колоннами лейтенантов Кроуфорда и фон Люттвица.

***

Между двум и тремя часами ночи капитан Миллс построил свой отряд и двинулся в направлении вражеского лагеря. Опасаясь, что рёв мулов может выдать его, Миллс оставил их и 125 лошадей под

контролем лейтенанта Бабба, погонщиков и двадцати пяти солдат. Баббу было приказано двигаться с животными вперёд, как только он услышит стрельбу из деревни. Потребовалось около часа «барахтанья в грязи и воде», прежде чем кавалеристы, большинство из которых спешились, достигли северного хребта над лагерем Сиу. Лейтенант Шватка вёл двадцать пять верховых солдат, которые, согласно плану Миллса, должны были непосредственно атаковать сквозь сгрудившиеся типи. Лейтенанту Кроуфорду было приказано разместить своих пятьдесят семь кавалеристов в рассыпном строю на длинном хребте к северу и немного к востоку от лагеря, в то время как лейтенант фон Люттвиц начал перемещать своих пятьдесят три солдата дальше на восток и юг от типи, на хребет через ручей. Оба этих отряда готовились открыть огонь по типи и сомкнуться в пешем порядке, как только люди Шватки прорвутся, разгонят пони и зачистят территорию деревни. «Целью, — сообщал журналист, — было окружить врага, разогнать и захватить их скот и убить как можно больше воинов».

Шватка расположил свой верховой отряд в нескольких сотнях ярдов на пологом хребте, образованном двумя лощинами, которые наконец сходились близко к северному краю деревни.

Недалеко от конца этого хребта у деревни, а также на низинной земле паслось около 400 пони, едва различимых в туманной утренней темноте. Лагерь спал глубоким сном, дым от типи висел низко под облаками и скрывал жилища. Солдаты всё ещё заканчивали последние приготовления, ожидая достаточного дневного света для точной стрельбы. Но прежде чем люди фон Люттвица успели окружить юго-восточный фланг лагеря, солдаты вспугнули табун пони, и животные начали возбуждённо ржать. Табун побежал прямо к деревне, врываясь в неё и будя её обитателей. Увидев это, Миллс быстро послал Шватку в атаку: «Я велел Шватке быть готовым атаковать деревню в ту же секунду, как табун пони бросится в бегство, потому что я знал, что как только они учуют нас, они побегут и ворвутся в деревню… Когда табун бросился в бегство, Шватка последовал за ними прямо в деревню, проехав через неё и стреляя из пистолетов в типи. Он преследовал табун через неё, сбивая с ног и растаптывая некоторые типи».

Вскоре Миллс приказал спешенным кавалеристам открыть огонь по типи со своих позиций к северу и западу от лагеря. Когда Шватка пронёсся за пределы деревни и захватил большую часть индейского

скота, солдаты Кроуфорда и фон Люттвица продвинулись, стреляя, на расстояние до пятидесяти ярдов от лагеря, их пули, ударяя по мокрой бизоньей коже и холщовым типи, звучали «как звук падающего тяжёлого града». Но воины реагировали энергично, прорубая выходы в типи с противоположной от войск стороны. Бегущие воины успели выпустить один-два залпа по солдатам, и лейтенант фон Люттвиц упал почти сразу же — пуля раздробила его правое колено, когда он стоял на холмике рядом с Миллсом. Мгновенно Джек Кроуфорд подбежал к нему, срывая с себя шейный платок и сооружая жгут вокруг раненой ноги фон Люттвица, чтобы остановить кровотечение. Сержант Джон А. Киркуд унёс фон Люттвица за хребет в безопасное место, в то время как испуганные, разъярённые воины прикрывали бегство своих женщин и детей из лагеря. Рядовой Орландо Х. Дурен из роты Е Третьего кавалерийского полка получил ранение в бедро во время этого начального боя. Лейтенант Шватка описал атаку со своей точки зрения: «Верховой отряд, с пистолетами в руках, с криками и стрельбой в типи, пронёсся через маленькое селение и вскоре очистил его от пони. После верховой атаки шли спешенные кавалеристы, ударяя смертоносным залпом по деревне. Ночь была очень дождливой, индейцы наглухо завязали отверстиях в своих жилищах, и они с трудом выбирались наружу. Многих видели падающими, и в приближающемся дневном свете часто трудно было сказать, несут ли они детей или убитых и раненых».

Большинство индейцев бежало на юг и запад, переплывая через вздувшийся ручей и карабкаясь в густые заросли к югу от русла и вверх по соседним утёсам. Воины последовали их примеру, воспользовавшись тем, что Миллсу не удалось создать эффективное оцепление к юго-западу от типи. Несколько соплеменников искали убежище в глубоком овраге, который граничил с высоким берегом на юге. Эти индейцы стреляли по солдатам беспорядочно, как и несколько воинов, которые разместились среди скал и хребтов к югу от лощины Гэп-Крик.

Пока дикари постепенно отступали, кавалеристы Миллса, несмотря на невозможность точно целиться в туманном свете, бросились к лагерю. Типи и их содержимое выглядели в основном нетронутыми, так как у индейцев едва ли было достаточно времени, чтобы убежать с оружием. Из одного типи рядовой Уильям Дж. МакКлинтон из роты С вынес кавалерийский вымпел, снятый в июне с отряда Кастера. После получаса

интенсивной стрельбы дневной свет медленно открыл Миллсу всю картину, и он, войдя в лагерь, обнаружил, что в индейских палатках полным-полно мяса, ягод и различных индейских принадлежностей. К югу и западу от деревни Миллс увидел воинов, скачущих взад-вперёд через проходы в скалах, и он начал беспокоиться, не находится ли поблизости другая деревня — то, о чём с беспокойством предупреждал Гроард. К этому времени солдаты израсходовали большую часть отпущенных боеприпасов, и Миллс отдал приказ доставить лошадей и вьючных животных, находившихся на попечении Бабба. Бабб был уже близко, начав движение. Когда Бабб прибыл, Миллс приказал ему отправить двух гонцов обратно по следу «и сказать Круку, что я захватил деревню и пытаюсь удержать её и нуждаюсь в помощи». Лейтенант выбрал двух человек, погонщика и солдата, снабдил их хорошими лошадьми и приказал им ехать быстро, «даже если придётся загнать лошадей». Двое уехали без сёдел, готовые в случае необходимости бежать пешком. Позже Бабб отправил человека на высокий скалистый хребет в миле к северу от лагеря с указанием ждать генерала Крука и сигнализировать о его приближении отряду Миллса.

Вскоре стрельба прекратилась. Однако Миллс продолжал держать охрану, так как на утёсах на юго-западе было видно много индейцев. Солдаты Кроуфорда были посланы группами по пять человек через деревню, чтобы проверить типи и собрать запасы. «Индейцев не было, — вспоминал сержант Кирквуд, — поэтому мы начали собирать сушёное мясо, которого было в изобилии, всё упакованное в мешки из сыромятной кожи». Тем временем стрельба возобновилась, так как воины вернулись в этот район после того, как отвели свои семьи в безопасное место. Хотя Миллс контролировал лагерь, он вскоре обнаружил, что его застрельщики находятся под атакой снайперов Сиу и Шайеннов, которые стремились бить по его раненым. В ответ лейтенанты Бабб и Кроуфорд сформировали небольшие отряды и успешно сдерживали дикарей на расстоянии. Согласно Баббу: «Кроуфорд и я установили цепь опорных пунктов атаки по кругу вокруг всего отряда, причём лейтенант Кроуфорд взял на себя каменистые склоны, выбив оттуда почти всех индейцев, которые досаждали нам с того направления. Я взял восточную сторону круга. Таким образом мы удерживали индейцев на некотором расстоянии до прибытия генерала Крука и его отряда».

Индейцы предприняли несколько неудачных бросков, надеясь отбить часть своих пони. Страхорн из Chicago Tribune сообщил, что «несколько самых смелых бросков были сделаны на них лейтенантом Кроуфордом во главе 10 или 12 кавалеристов. Его эффективное поведение отличалось редким суждением, хладнокровием и храбростью». Под обстрелом Миллс счёл невозможным тщательно обыскать лагерь и потратил большую часть своего времени его закреплению и обороне до прибытия Крука. Большинство солдат заняли позиции на вершинах хребтов к северу и востоку от деревни, и по настоянию лейтенанта Бабба Миллс приказал своим людям рыть окопы на хребте через Гэп-Крик, лицом к лесистому оврагу, в котором укрылась небольшая группа индейцев-сиу (мужчин, женщин и детей). Один офицер рассказал следующий случай, касающийся этих индейцев: «В деревне на шестах можно было увидеть сушёное мясо, и [корреспондент] Роберт Страхорн… и несколько погонщиков вызвались сопровождать разведчика [Джека Кроуфорда] и, если возможно, добыть мясо. Взяли с собой вьючного мула. Как только они вошли в деревню, мул был убит выстрелом индейцев, прятавшихся поблизости, и люди быстро спрыгнули в русло сухого водотока, проходившего рядом. Никто не мог определить место, откуда прозвучали выстрелы. Джек крикнул Шватке, который был на холме, спрашивая, может ли он с помощью своего бинокля увидеть дым от выстрелов, и, получив отрицательный ответ, сказал, что попытается определить местонахождение прячущихся индейцев. Он выскочил из русла ручья, пробежал сорок-пятьдесят футов, вернулся и остановился на берегу ручья. Пуля просвистела мимо него, и, указав на то место, где она ударилась о землю, а затем в прямо противоположном направлении, он крикнул Шватке, что выстрел был сделан оттуда, куда он указал, и, наведя свой бинокль, лейтенант увидел облачко дыма, поднимающееся над близлежащим оврагом, покрытым низкорослыми деревьями и подлеском. Отряд солдат был отправлен в точку, откуда они могли вести огонь, и не позволил индейцам стрелять по группе в деревне, пока те не загрузились мясом и не отступили обратно к отряду на холме».

Эти индейцы не проявляли желания сдаваться: они криками уверяли солдат, что поблизости были другие лагеря Сиу, и их воины скоро придут, чтобы помочь им. Эта новость, должно быть, заставила Миллса и его офицеров усомниться, сможет ли Крук прибыть вовремя, так как генерал

говорил, что останется на биваке 8 сентября в том месте, где Миллс оставил его, далеко на севере. Индейцы, укрывшиеся в овраге и скрытые густой листвой, беспрестанно стреляли по кавалеристам. Некоторые солдаты пытались подойти с западной стороны достаточно близко, чтобы стрелять в овраг. Один из них, рядовой Джон Венцель из роты А, неблагоразумно приблизился к оврагу спереди. Он умер мгновенно, когда пуля сиу вонзилась ему в лоб. К этой первой армейской потере при Слим-Бьюттс сержант Кирквуд применил привычное армии выражение: «Он не успел осознать, что его ударило». Сам Кирквуд вместе с кузнецом роты М Альбертом Главински и сержантом Эдвардом Глассом из роты Е попытались выбить индейцев. Сокрушался Кирквуд: «Ничего не вышло. Меня ранило в бок, всего лишь лёгкая рана, но близко. Ещё немного — и позвоночник был бы сломан. У сержанта Гласса раздробило руку. Пуля вошла в запястье и вышла у локтя». После этого эпизода Миллс отправил ещё одного гонца — третьего — к Круку. Не имея лишних людей и боеприпасов, капитан благоразумно решил прекратить дальнейшие попытки вытеснить индейцев из оврага. Они тоже будут ждать личного внимания генерала Крука.

Колонна генерала Крука находилась недалеко позади. Неизвестно Миллсу и его подчинённым, генерал решил не оставаться в лагере на Норт-Форк-Гранд-Ривер. Вероятно, увеличивающееся обилие индейских знаков, наряду с растущим беспокойством об отряде Миллса, повлияли на его изменение плана. Вместо того чтобы дать отдых своим войскам, как он намеревался, он безжалостно гнал их вперёд, с «вязкой грязью, прилипавшей к ногам и делавшей продвижение почти невозможным».

В ночь, когда Миллс покинул отряд, несколько усталых обессилевших солдат, включая хирурга, добрались до лагеря Крука далеко за полночь, и солдаты питались кофе четвертной крепости, кипячённым на примитивных кострах из кустов роз и скрученной травы. 8 сентября армия двинулась прямо по следу Миллса. «На завтрак — вода и затянутые потуже пояса», — прокомментировал лейтенант Скайлер. Ещё больше лошадей было брошено в течение дня; к вечеру других забили на мясо. Дождь лил непрестанно, холодный ветер дул яростно, и часы проходили с той же унылой монотонностью, что и в предыдущие дни. Разведчикам удалось подстрелить несколько антилоп, и эта добыча вместе с находкой дров и диких слив немного подняла настроение

людям тем вечером. Один солдат записал в своём блокноте: «Выдали конину, и, хотя соли отряду не дали, люди, казалось, ели мясо с большим аппетитом. Жарка и приготовление продолжались всю ночь, и завтрашний рацион был съеден сразу, прежде чем люди насытились».

Вот отрывок из дневника Бурка: «К этому времени рацион в штабе сократился до едва достаточного количества бекона, чтобы поджарить лошадиные стейки ещё на один приём пищи. Соли и сахара у нас не было совсем, а кофе так мало, что наш повар имел все основания радоваться мутной воде, найденной в ручьях, на берегах которых мы разбивали лагерь, так как она частично скрывала слабость подаваемого нам напитка. Сухари тоже подошли к концу… а Дедвуд всё ещё в пяти днях пути!» Тем вечером, преодолев двадцать четыре мили до Саут-Форк-Гранд-Ривер, офицеры Крука собрались у костров и попытались отпраздновать сорок восьмой день рождения генерала, но это оказалось скорее простым собранием, чем вечеринкой. Бурк отметил: «Нечего есть, нечего пить, нет возможности высушить одежду и не за что благодарить Бога, разве только за то, что мы нашли дрова».

Поскольку войска теперь были крайне ограничены в рационе и устали от меню из конины, снова возникла критика руководства Крука, и даже полковник Мерритт выразил гнев по поводу ведения кампании. Один солдат был замечен, как он прямо сказал, что Крука следовало бы повесить. При таком накале страстей отряд отправился на ночлег. Некоторые из людей, пользуясь первыми за несколько дней кострами, потеряли драгоценный сон, пытаясь высушить свою одежду и одеяла. Поблизости в темноте вырисовывались северные шпили Слим-Бьюттс.

На рассвете 9 сентября экспедиция выступила под холодным проливным дождём. Солдаты покинули лагерь колоннами по двое, некоторые шли пешком, другие ехали на своих полуживых лошадях. Примерно в пяти милях они встретили первых двух гонцов Миллса, которые поспешили вперёд с первой новостью об атаке Миллса на враждебный лагерь, который, по их оценкам, находился в семнадцати милях впереди. Один офицер описал это событие: «В тумане и дожде появились двое всадников, галопом направляясь к голове колонны, и когда они пронеслись мимо, мы только и услышали: „Миллс ввязался в бой“… Вскоре из арьергарда подъезжает генерал Крук, и мы узнаём, что Миллс атаковал деревню».

Вскоре прибыл ещё один гонец и сказал Круку, что индейские подкрепления, вероятно, скоро подойдут и что Миллс нуждается в немедленной помощи. Потери Миллса, сообщил он, составили одного солдата убитым и пятерых или шестерых ранеными, и срочно требуется медицинская помощь. Крук немедленно приказал Мерритту выступить вперёд со всеми кавалеристами Второго, Третьего и Пятого полков, у которых ещё были лошади, способные двигаться вперёд. Спасательный контингент под руководством Крука насчитывал около 250 человек и 17 офицеров, плюс хирурги Клементс и Макгилликадди и несколько вьючных мулов, нагруженных медикаментами. Кавалеристы двинулись медленной рысью в 7 часов утра, в то время как пехота и остальные кавалеристы энергично продвигались сзади, взволнованные перспективой скорого боя.

Ослабленная кавалерия Мерритта потратила четыре с половиной часа, чтобы достичь поля боя Миллса, прибыв в 11:30 утра после трудного перехода по сырой местности. Ещё пятнадцать лошадей были брошены по пути. Часовые Бабба заметили войска за два часа до того, как они достигли деревни. «Когда мы получили их сигнал, я уверяю вас, мы вздохнули с облегчением, — вспоминал лейтенант. — Крук… спас нас от полного уничтожения». Когда солдаты приблизились, небольшая группа индейцев появилась, чтобы захватить измождённых лошадей, ковылявших за колонной. Кавалеристы Мерритта выстрелили в них, и воины отступили. Остальная часть отряда Крука, почти вся в пешем порядке, с трудом добиралась до места деревни в течение всего дня. Поднявшись на хребет, спасательный отряд увидел около двухсот пони, захваченных Шваткой в первой атаке, согнанных в загон на низине у типи. Там и сям лежали мёртвые пони — единственные жертвы первоначальной атаки Миллса. Солдаты Миллса были рассредоточены по широкому периметру, охраняя деревню, в то время как большинство их лошадей оставались привязанными вдоль склонов холмов. На месте лагеря люди работали, разбирая типи и извлекая их содержимое. Этот район кипел активностью и выглядел, по словам одного журналиста, «как муравейник, который только что потревожили».

Капитан Миллс поприветствовал подкрепление и сообщил полковнику Карру о вооружённых воинах, всё ещё засевших в овраге. Крук подошёл и попросил показать ему деревню, находившуюся за хребтом. Миллс предупредил его о снайперах-Сиу, но генерал пошёл

к типи, безрассудно подвергая себя опасности. Почти сразу же в него выстрелили, но пуля пролетела мимо, не причинив вреда. Лагерь, оказавшийся намного больше, чем предполагал Миллс, насчитывал тридцать семь типи, а также четыре каркаса типи без покрытий. Хотя атака Миллса, казалось, не убила ни одного обитателя лагеря, добыча послужила щедрой наградой изголодавшимся солдатам Крука. Опись найденных там припасов включала мешки с мукой, кукурузой и фруктами; пакеты с бобами, солью, перцем и табаком. Полезные товары включали ружья, сёдла, сбрую, одежду, одеяла с клеймом «U.S.I.D.», парусину, коробки с пистонами и боеприпасами, металлическую кухонную утварь и посуду, несколько штук ситца, несколько ножей, вилок и ложек, а также 2000 шкур бизона, антилопы, лося и оленя в необработанном виде. Особое значение для войск имело свежее мясо и более пяти тысяч фунтов сушёного мяса, что, по замечанию одного голодного солдата, было «подарком небес». Деревня, писал капитан Бёрт, «наполнена солдатами, бродящими вокруг, грязными, оборванными, худыми и измождёнными, довольно сонно слоняющимися, рассматривающими добычу, обнюхивающими шкуры и парафлеши». Во время обыска деревни некоторые из людей обнаружили трёх- или четырёхлетнюю девочку. Её отволокли к капитану Миллсу, который сначала решил удочерить её, но позже отказался от этой идеи, обдумав перспективу предстать перед миссис Миллс со свершившимся фактом. Самым тревожным для солдат было обнаружение доказательств, напрямую связывающих этих индейцев с Литтл-Биг-Хорн. Помимо раздвоенного вымпела, люди Крука нашли по крайней мере одну перчатку с именем капитана Кио из Седьмой кавалерии, который погиб вместе с Кастером; несколько армейских сёдел Макклеллана; трёх лошадей Седьмой кавалерии; несколько послужных книг; офицерскую куртку; несколько писем, написанных личному составу Седьмой кавалерии или ими; и большое количество наличных денег. Но что действительно разозлило солдат, так это обнаружение сертификата, выданного одному из индейцев предыдущей зимой в агентстве Крапчатого Хвоста: «Агентство Уайтстоун, территория Дакота, февраль 1876 г.

Любому агенту по делам индейцев США:

Настоящим удостоверяется, что Чарджинг Кроу, индеец из группы Санти, является человеком, верным условиям договора, и использует всё

своё влияние на своих людей, чтобы они поступали правильно. Я с готовностью рекомендую его для благосклонного рассмотрения всем.

С уважением,

Э. А. Ховард, агент по делам индейцев США».

Среди имущества в деревне также был найден другой пропуск, выданный предполагаемым «незаконным торговцем и шурином Крапчатого Хвоста», вождя Брюле:

«Агентство Споттид-Тейл, 14 января 1876 г.

Предъявитель сего, Стаббер, принадлежащий к этому агентству, отправится на север, чтобы навестить свой народ. Он вернётся в это агентство в течение 90 дней, не беспокоя ни одного белого человека. Если ему понадобится какая-то мелочь, вы ничего не потеряете, дав ему это. Это правда.

Ф. К. Баучер».

Обыск деревни людьми Крука осложнялся снайперами Сиу, всё ещё скрывавшимися в густо заросшем овраге, и вскоре Крук приложил усилия, чтобы выбить их оттуда. Извилистый овраг уходил примерно на двести ярдов вглубь склона холма. В некоторых местах его глубина достигала почти двадцати футов, и его узость не позволяла солдатам точно стрелять внутрь, если только они не стояли вдоль его краёв. Судя по изменениям в овраге за последнее столетие, его дно должно было быть от шести до пятнадцати футов в ширину. Деревья, колючие кусты и другие переплетённые заросли покрывали всю длину, скрывая любой обзор внутренней части. Индейцы уже убили одного солдата и угрожали всем, кто приближался. Забаррикадировавшись за земляными брустверами и в углублениях стен, первоначально выкопанных детьми, обитатели, ожидая помощи из других деревень в этом районе, готовились к упорной обороне. Не уверенный в том, сколько воинов там укрылось, Карр разместил часовых на безопасном расстоянии вокруг оврага. Некоторые из разведчиков и погонщиков предприняли неофициальную попытку выкурить индейцев, но столкнулись с неожиданной огневой мощью и отступили.

Затем Крук приказал развернуть войска возле русла ручья ниже входа в ущелье, и они поползли вперёд на животе, беспорядочно стреляя в скрытые глубины оврага, без видимого вреда для воинов. Вскоре множество солдат собралось возле похожего на пещеру входа в канаву, несколько защищённого от выстрелов крутым откосом.

Офицеры и солдаты присоединились к тому, чтобы отправить залп в её глубины, и внезапно получили в ответ настоящий залп, который отбросил их, шатающихся и спотыкающихся. Крук и его свита заняли позиции на западной стороне оврага. Рядовой Эдвард Кеннеди из роты С Пятой кавалерии лишился икры ноги во время обстрела, а рядовой Джон М. Стивенсон из роты I Второй кавалерии получил тяжёлое ранение лодыжки. Тем временем Пури сумел застрелить одного из индейцев, затем спустился в канаву, снял с него скальп и чудом остался невредимым — всё за несколько секунд.

Смерть и ранения товарищей разъярили солдат, которые и так были расстроены после двухнедельных испытаний. По приказу Крука первый лейтенант Уильям Кларк повёл группу из двадцати добровольцев вперёд, чтобы выбить индейцев, которые, однако, обрушили такие сокрушительные залпы, что солдаты бросились наутёк в поисках безопасности. Некоторые люди подползали вперёд с горящими палками, которые бросали в канаву без видимого эффекта. К этому времени так много зевак собралось в окрестностях канавы, что они усложнили усилия людей Кларка. «Меня удивляло, — вспоминал Бурк, — что выстрелы осаждённых не убили их сразу десятками». Снайперы снова приблизились к краю, рискуя скрытой опасностью, чтобы произвести в упор залп из своего оружия.

Этот залп вызвал крики женщин и детей — первое указание для Крука на то, что в канаве были некомбатанты. Он немедленно приказал прекратить весь огонь, но десятки солдат, охваченные гневом, хлынули вперёд. С трудом Кларку удалось сдержать своих снайперов; другие офицеры бросились вперёд и буквально начали отталкивать своих людей. В суматохе солдаты, наступавшие вперёд, столкнули капитана Сэмюэля Мансона из Девятой пехоты и адъютанта Бурка, оба упали в нижнюю часть ущелья, приземлившись рядом с несколькими женщинами и детьми, которые были «покрыты грязью и кровью и кричали в совершенной агонии ужаса». Защищённые от воинов естественным изгибом оврага, двое мужчин быстро вскарабкались наверх и присоединились к войскам.

Теперь стрельба полностью прекратилась, в то время как генерал призвал Бата Пури и нерешительного Гроарда выступить вперёд для переговоров о сдаче индейцев. Разведчики осторожно двинулись к оврагу, и Гроард крикнул его обитателям, обещая, что их жизни будут

сохранены, если они выйдут. Наконец Пури вошёл в овраг, где встретил «женщину в сильном душевном расстройстве, мокрую, онемевшую и дрожащую», которая умоляла его о пощаде. Внезапно появился вооружённый воин. Бэт выхватил у индейца револьвер, выбросил его из канавы, схватил женщину и вывел её, воина, а также другую женщину и десятилетнюю девочку из оврага. Он передал пленных пехотной роте. Когда другие женщины и дети увидели, что с пленными ничего не случилось, они тоже вышли. Одна несла с собой мёртвого ребёнка. Другая несла младенца, у которого была отстрелена нога; ребёнок вскоре умер. Всего в овраге пряталось около двадцати женщин и детей. Когда они вылезали, они толпились вокруг Крука, писал лейтенант Кинг, «каждая стремилась пожать руку генералу, а затем вложить в неё крохотный кулачок младенца, висевшего у неё на спине. Одна из скво, молодая и действительно красивая женщина, прострелена насквозь, но она беззаботно держит руку перед собой, позволяя крови стекать на землю, пока слушает, как переводчик объясняет заверения генерала в безопасности».

Однако воины отказались уходить. Они снова открыли огонь, вынудив солдат нырнуть в укрытия. Раздражённый растущими потерями в своих рядах, Крук теперь приказал части своей пехоты и спешенной кавалерии построиться через ручей лицом ко входу в ущелье. По команде войска открыли плотный огонь по оврагу, сделав более трёх тысяч выстрелов. Через некоторое время стрельба прекратилась, и Крук снова предложил непримиримым пощаду. Минул час. Снова Гроард и Пури двинулись вперёд и сумели начать диалог на языке Лакотов. Затем одна из пленных женщин вызвалась поговорить с непримиримыми; ей удалось выманить одного молодого человека, который получил от Крука личные заверения в безопасности для всех, кто сдастся. Снова Пури вошёл в канаву. Прошло ещё несколько минут. Затем появился высокий Сиу, шатаясь, у входа в овраг, поддерживаемый Бэтом и другим воином. Индеец получил серьёзное ранение в живот, и его внутренности вываливались в крепко сцепленные руки, пока его выводили навстречу Круку. Генерал взял предложенное им ружьё и приказал Гроарду спросить его имя; индеец ответил на лакотском наречии: «Американский Конь». Пури помог ему добраться до двух хирургов. Один из них отвёл руки вождя, и внутренности выпали. «Объясните ему, что он умрёт до наступления следующего утра», —

сказал хирург.

Капитуляция Американского Коня произошла под гневные крики «Пощады не будет!» от наблюдавших солдат. Затем из оврага вышли ещё двое воинов, один из них раненый, так что всего выжило четверо мужчин. У них было всего двадцать четыре патрона на всех, когда они вышли из ущелья. Позади в овраге остались лежать три женщины, один воин и один младенец, все мёртвые. Крук приказал вынести трупы из ущелья. Они были изрешечены пулями. Женщины, сообщил один журналист в духе того времени, «были довольно хорошенькими для индеанок».

Корреспондент Джо Уоссон описал в ужасающих подробностях то, что он увидел: «Я стоял прямо над тем местом, откуда вышли женщины, и услышал крики мужчин, которые ощупью пробирались в норе под берегом, что „там их больше“. „Вытаскивайте их — тащите их!“ — кричала толпа. „Там белый человек“, — затем послышалось взволнованным и полузадушенным голосом снизу. При этом масса людей наверху, казалось, сошла с ума. „Белый человек!“ — повторялось из уст в уста, а затем поднялся дикий хор воплей, ругательств и проклятий. „Вытащите его!“ „Разрежьте его на куски!“ „Мы сожжём его заживо!“ „Покажите его нам“. Однако никакого белого человека не было. Когда тело вытащили на свет, оно оказалось телом скво, побелевшей от смерти. Она была ужасно изрешечена. Пуля разорвала ей шею, три прошли через грудь и плечо и две через каждую конечность. Её тело и одежда представляли собой одну массу грязи и запёкшейся крови… Затем последовало полуобнажённое тело старого индейца, которого убил Биг Бэт. Его очень нецеремонно вытащили за остатки волос и кожаный пояс вокруг талии. Смертельный выстрел поразил его под ухо и раздробил всё основание черепа. Другая пуля, очевидно, уже после смерти, попала ему под левую руку и вышла из плеча. Тело застыло в смерти в позе человека, держащего ружьё, — именно в таком положении его застрелили. Он был старым, и его черты носили выражение мрачной решимости. После этого последовала ещё одна скво, также простреленная в нескольких местах. Казалось, что тела женщин были использованы выжившими в качестве укрытия. Все они были разложены, и любопытство отряда… было удовлетворено осмотром в течение часа или около того».

Юта Джон, единственный оставшийся разведчик из Ютов (остальные покинули Крука ещё на Йеллоустоне), принялся демонстративно снимать

скальпы с мёртвых женщин, чему подражали некоторые из солдат. «Зрелище человеческой деградации было отвратительным», — прокомментировал свидетель, но, по-видимому, офицеры Крука мало что сделали, чтобы пресечь эти действия. Если верить Бурку, в начале боя в овраге находилось двадцать восемь Сиу (мужчин, женщин и детей). Чудесным образом двадцать три выжили и были взяты в плен.

Одним из тех, кто вошёл в ущелье сразу после сдачи, был капитан Миллс. Маленькая девочка, обнаруженная в типи деревни, шла за ним, когда он пошёл смотреть на тела. Внезапно девочка побежала вперёд и бросилась на один из женских трупов, нежно обнимая его. Это была её мать, и маленькая девочка жалобно завыла. «Это зрелище могло тронуть сердце самого сильного мужчины», — вспоминал Миллс.

К позднему вечеру пространство на Слим-Бьюттс стало мирным, если так можно выразиться, учитывая, что вместо выстрелов всюду зазвучал плач женщин и детей, лающих собак и сержантов, выкрикивающих приказы войскам, сносившим типи в деревне. В полевом госпитале хирурги безуспешно работали над Американским Конём. Вождь отказался от морфия, пока доктор Клементс и доктор Валентайн Макгилликадди пытались закрыть ужасную рану живота. Лейтенанту фон Люттвицу повезло больше. Он перенёс операцию днём, когда доктор Клементс ампутировал его раздробленную ногу выше колена. Несмотря на опасения за его жизнь, фон Люттвиц чувствовал себя комфортно и впоследствии выздоровел.

От пленных офицеры Крука узнали о большом лагере Оглалов примерно из трёхсот типи под предводительством Неистовой Лошади и Пса в этом районе, хотя никто из пленных не мог сказать о точном местоположении и расстоянии от Слим-Бьюттс. Тем не менее эта информация вызвала опасения в отряде, поскольку с момента прибытия Крука несколько индейцев было замечено кружащими вдалеке. Некоторые даже отражали зеркалами солнечные зайчики на войска с высокой местности на юге и западе. Уставшие солдаты ожидали атаки, как только беглецы из атаки Миллса смогут поднять тревогу в других лагерях.

Атака не заставила себя долго ждать. К 4:15 дня уставшие войска устраивались на бивак. Кавалерийский отряд был рассредоточен на более чем полмили вдоль хребта к северо-западу от деревни и параллельно Гэп-Крик. Пятая кавалерия располагалась ближе всего

к штабам Мерритта и Карра; затем шли Второй и Третий полки. Лошади всех подразделений были привязаны среди соседних ложбин и хребтов на севере и юге, в то время как мулы и захваченные индейские пони были согнаны в загон в низине ручья у места деревни. Пони были отданы захватившим их кавалеристам Третьего полка, и многие из них были выставлены на продажу тем, кому требовалась замена для своих лошадей. Прямо к северу от деревни, вокруг импровизированного госпиталя, разбили лагерь пехотные войска. В низине ручья оставшиеся типи Сиу и их содержимое лежали в беспорядке. К западу от оврага некоторые солдаты и гражданские собрались перед завёрнутыми останками рядового Венцеля и разведчика Уайта, в то время как офицер читал заупокойную службу. Вдоль бивачной линии кавалеристы сложили оружие и готовились поужинать захваченным мясом бизона. Лай собак и плач детей акцентировали тихий разговор войск.

Внезапно резкий ружейный выстрел эхом разнёсся по утёсам на западе. Солдаты вскочили на ноги, когда трубачи проиграли «К оружию!» Они схватили свои карабины и винтовки и приготовились к обороне. Постепенно стрельба распространилась по всей дуге, образованной юго-западными баттами, так как возвращающиеся воины атаковали в попытке вернуть своих пони и потерянное имущество и освободить заложников. К индейцам присоединились воины из лагеря Оглалов Неистовой Лошади. Верхом на быстроногих скакуна, воины — по разным оценкам, от шести до восьмисот человек — смело наступали, чтобы занять выгодные позиции на высоких холмах, окружавших войска внизу. На позициях в трёх четвертях мили вдоль трёх невысоких утёсов многие индейцы собрались, чтобы вести согласованный, дальний огонь по армии.

Первой реакцией войск была защита своего скота, и Крук приказал развернуть оборонительную линию вокруг пони и мулов, которые были привязаны недалеко от деревни. Охранники табуна быстро отправились к кавалерийским лошадям и загнали их в защитный круг. Затем каждая рота заняла позицию перед своими собственными лошадьми, чтобы защитить их от приближающихся воинов. Некоторые лошади Пятой кавалерии испугались во время суматохи, бежали от охранников и бросились на юг, к индейцам. Только решимость капрала Дж. С. Клэнтона, который с небольшой помощью сумел развернуть ведущую лошадь, предотвратила их захват. В то же время некоторые

воины выехали вперёд и сумели угнать несколько брошенных кавалерийских лошадей, находясь под огнём спешенных застрельщиков.

Как только стрельба началась с юго-западных холмов, капитан Уильям Х. Пауэлл и рота G Четвёртого пехотного полка готовились сжечь индейскую деревню по приказу Крука. Они продолжили свою задачу, когда бой вокруг них усилился, и вскоре огромные груды типи, шкур, сёдел и боеприпасов вспыхнули, загорелись.

Генерал Крук развернул своих людей для ответа на атаку. Он приказал пехотному батальону майора Чемберса занять возвышенность, удерживаемую воинами. Соответственно, две роты Четвёртого полка, одна Девятого и одна Четырнадцатого, все под командованием капитана Бёрта, бегом выдвинулись со своего бивака и бросились через горящую деревню, через ручей и наверх, к вершине обрыва, который частично укрывал деревню. Ещё три пехотные роты заняли позицию за обрывом как поддерживающие подразделения и как охрана против атаки с этой стороны. Люди роты F Четырнадцатого пехотного полка под командованием капитана Томаса И. Тоби заняли позицию непосредственно к востоку от осадного оврага. Рядом с ними была рота I Четырнадцатого пехотного полка под командованием лейтенанта Фрэнка Тейлора, в то время как левый фланг резервной линии составляла рота B Четырнадцатого пехотного полка под командованием капитана Джеймса Кенингтона. Большая часть боя происходила вдоль утёсов к югу и юго-западу от деревни, но для защиты района к северу от лагеря и предотвращения слишком близкого приближения враждебных с тыла войск Чемберс отправил две роты Девятого пехотного полка на хребты над районом пехотного бивака. Аналогичным образом, открытый восточный фланг удерживал майор Генри Э. Нойес с подразделением верховых кавалеристов Второго полка, которые должны были отразить любую атаку воинов на этом фронте. Люди Нойеса были единственными верховыми во время схватки. Другие кавалерийские части двинулись вперёд в рассыпном строю, подобно пехотинцам, полные решимости занять юго-западные высоты и обратить индейцев в бегство. Первая атака соплеменников произошла прямо перед батальоном Пятой кавалерии майора Юлиуса Мейсона, и когда линия людей хлынула вперёд, именно группа Мейсона понесла первые потери во время вечерней стычки. Сержант Эдмунд Шрайбер из роты K и рядовой Август Дорн из роты D отступили ранеными. Левее Мейсона

наступал батальон майора Джона Дж. Апхэма, Пятая кавалерия, в то время как непосредственно справа от него и далее по линии находились подразделения Второго и Третьего полков. Часть Третьего полка, полка под командованием подполковника Уильяма Б. Ройалла, выступила вперёд, чтобы взять под контроль холмы к западу и северо-западу, но эти войска увидели мало действия. Оно было предназначено для кавалеристов Карра из Пятого полка, которые необычным для себя образом двинулись вперёд в пешем строю к врагу, находившемуся на невысоких юго-западных скалах.

Эти солдаты и их товарищи-пехотинцы рассредоточились по оврагам и лощинам, продвигаясь вперёд, время от времени останавливаясь, чтобы сделать беспорядочные выстрелы по отдалённым воинам. Сорок пять минут они наступали. Наконец, на левом фланге три из четырёх пехотных рот капитана Бёрта сумели выбить индейцев с высокой каменистой возвышенности. С этой точки солдаты смогли обрушить винтовочные залпы вниз по открытой лощине на запад, обратив в бегство индейцев, которые использовали её для укрытия. Рота H Девятого пехотного полка под командованием лейтенантов Чарльза М. Рокфеллера и Эдгара Б. Робертсона заняла крайний правый фланг линии застрельщиков, обращённой на юго-запад от этого холма; капитан Дэниел У. Бёрк командовал ротой C Четырнадцатого пехотного полка на левом фланге линии; а капитан Герхард Л. Лун командовал ротой F Четвёртого пехотного полка в центре. Рота D Четвёртого пехотного полка под командованием лейтенанта Генри Сетона служила резервом и оставалась позади линии застрельщиков. Половина подразделения вскоре была вызвана вперёд капитаном Бёртом и включена в линию. Воины Сиу и Шайеннов держались на расстоянии от пяти до восьмисот ярдов и постоянно стреляли так высоко, что потери среди пехоты были невелики. Только один солдат был ранен во время наступления. Однако и войска причинили индейцам мало вреда. Один офицер вспоминал, что во время боя «один индеец был либо убит, либо ранен, и один пони убит на нашем фронте».

Тяжёлая влажная атмосфера удерживала дым от оружия, и он висел туманом близко к войскам, когда они поднимались на предгорья. Перестрелка продолжалась со всех сторон и после наступления темноты. Некоторое время некоторые из индейцев держали свои позиции, и в какой-то момент они атаковали контингент Третьей кавалерии,

удерживавший северо-запад периметра, но хорошо направленный залп обратил их в бегство. Наконец, с наступлением ночи объединённые усилия кавалерии и пехоты возымели действие. Индейцы дрогнули и в конце концов отступили в Слим-Бьюттс.

Стычку описал корреспондент Страхорн: «Поле не могло быть более выгодным для врагов, так как быстро занятые ими покрытые скалами утёсы господствовали над всеми подходами; однако последовавший затем часовой бой был немногим больше, чем красивое и впечатляющее учение застрельщиков для наших войск и очень неграциозное бегство дикарей со всех позиций». Картина была романтичной: «Когда спустились сумерки, было великолепно видеть, как наша линия застрельщиков освещает склоны гор своими залпами». Однако, несмотря на победу в отражении воинов, полковник Карр ворчал, что «это была расточительная трата боеприпасов, [так как] некоторые роты израсходовали до сорока патронов на человека».

Учитывая всю стрельбу, потери с обеих сторон были удивительно лёгкими. В вечернем бою было ранено всего пять или шесть солдат. Потери Сиу и Шайеннов остались в значительной степени неизвестными, так как воины унесли многих своих мёртвых с поля боя при отступлении. Подполковник Карр писал, что «согласно лучшим и самым надёжным сведениям, мы убили и ранили до семи или восьми индейцев». В другом, неофициальном сообщении говорилось, что «четырнадцать мёртвых индейцев были найдены на поле боя, и было известно, что четыре тела были унесены».

Когда индейцы отступили, западные облака разошлись, открыв короткий багровый закат. Солдаты вернулись в свои лагеря. В низине дюжина костров превратила деревню Американского Коня в тлеющие руины, из которых густой чёрный дым поднимался, смешиваясь с грозовыми тучами. Ожидая дальнейших атак, офицеры Крука выставили сильные пикеты на отдалённых холмах и вдоль окопов, подготовленных ранее Миллсом и Баббом.

По мере того как сгущалась темнота, было захвачено несколько индейских пони без всадников. Убитые, разделанные и зажаренные, они стали желанным разнообразием в меню из мяса коней и мулов. Вспоминал Финери: «Конина кавалерийских лошадей, изнурённая, с больными спинами… и жареная без соли, она жилистая, жёсткая как кожа, пустая и тошнотворная. Кавалерийская лошадь, моложе

предыдущей и не слишком истощённая, даёт мясо, напоминающее очень плохую говядину; взрослый индейский пони по вкусу и виду напоминает мясо лося; жеребёнок индейского пони на вкус как антилопа или молодой горный баран; мясо мула, жирное и прогорклое, представляет собой комбинацию всего вышеперечисленного со свининой в придачу».

Мясо пони приобрело приверженцев почти сразу. «Жирный, травяной индейский пони совсем не плох, когда люди голодны», — вспоминал лейтенант Кинг. Один гражданский погонщик даже полюбил эту диету: «Я действительно думал, что конина была хороша, и удивлялся, почему мы не едим больше лошадей дома», — вспоминал Дэвид Т. Мирс. Сушёное мясо бизона, которое оказалось трудным для приготовления и еды, должно было быть упаковано на мулов для марша на юг.

Бивак той ночью разительно отличался от предыдущих, поскольку люди радовались своему обретённому изобилию еды и тепла. Писал журналист: «Ночь наступила, и 1000 бивачных костров освещают сцену, которую никогда не забыть. Солдаты прошлой ночью, оборванные, замёрзшие, слабые, голодные и почти отчаявшиеся, пируют на мясе и фруктах, полученных от дикого врага, или тепло одеты в шкуры, которые прошлой ночью укрывали формы ренегатов. Поются весёлые песни, и отовсюду раздаётся крик: „Крук, в конце концов, прав!“».

После ужина Крук допросил пленных, почти всех женщин и детей. От них он узнал, что и Неистовая Лошадь и Сидящий Бык находятся в окрестностях Литтл-Миссури, и что последний направляется на север к Антилоп-Бьюттс для торговли. Крук также узнал, что индейцы действительно разделились и что большинство из них направляются в агентства. Генерал прочитал своим пленным лекцию о решимости правительства наказать всех, кто остаётся враждебным, а затем объявил о своём намерении освободить их на следующий день.

На рассвете воины ненадолго возобновили бой, стреляя вслепую по войскам сквозь туман, осевший в низине ручья. Они отступили, когда по ним открыли огонь пехотные пикеты. Тем временем полковник Мерритт приказал Карру уничтожить любое оставшееся индейское имущество. Кавалеристы Карра уничтожили всё, что попалось на глаза: ломали ружья, взрывали боеприпасы, разрезали и сжигали бизоньи шкуры, рубили и сминали в лепёшку жестяную посуду. Захваченный табун пони должен был отправиться на юг с колонной Крука, чтобы

обеспечить как пропитание, так и свежих лошадей. По распоряжению Крука Карр также освободил пленных. Некоторые из женщин и детей добровольно покинули отряд, хотя довольно многие решили остаться с Круком, пока не достигнут агентства. Один из мужчин-пленников связал свою судьбу с генералом и позже стал армейским разведчиком.

Вскоре раненые, которые не могли ни ходить, ни ехать верхом, были помещены на носилки, укреплённые между двумя мулами, или на более надёжные волокуши (травуа) для подготовки к путешествию на юг. Фон Люттвиц испытывал такие мучительные боли при перемещении, что попытался выхватить пистолет у одного из погонщиков, чтобы застрелиться.

Экспедиция на Биг-Хорн и Йеллоустон выступила с места деревни около 9 часов утра, её выход прикрывали пехотные роты, расположенные на южных холмах. Эти войска обменивались выстрелами с отдалёнными воинами, пока основная колонна покидала лагерь по двое и направлялась на восток вдоль плато, обращённые к Слим-Бьюттс. Когда отряд покинул этот район, пехотные подразделения начали умное отступление, чтобы присоединиться к своему батальону, их движение, в свою очередь, прикрывали две спешенные роты Пятой кавалерии под командованием капитанов Самнера и Монтгомери из батальона Мейсона. Когда отряд удалялся, индейцы наступали, и стрельба усилилась. По указанию Мерритта Карр теперь приказал всему батальону майора Мейсона зайти справа, чтобы сменить отступающих пехотных застрельщиков, которые теперь столкнулись с прямой атакой воинов. Другой батальон Пятого полка под командованием майора Апхэма занял позицию на хребте прямо к югу от места деревни, но вскоре вынужден был отступить под сильным огнём индейцев.

В таких условиях отряд отходил, оставив кавалерийский арьергард для сдерживания индейцев. Крук направил свою армию немного на восток, а затем повернул на юг по довольно ровной местности. Пехотные застрельщики вскоре догнали колонну. Кавалеристы Карра отправили своих лошадей догонять отряд, а сами отходили с хребта на хребет в оживлённой перестрелке с сиу. Как только войска занимали возвышенность, только что покинутая ими тут же заполнялась преследующими воинами. Несколько точных залпов прервали одну согласованную попытку индейцев обойти солдат с фланга, хотя

беспорядочная стрельба продолжалась и на следующих двух милях. Двое солдат были ранены в арьергардном бою, и по крайней мере пятеро индейцев были убиты или ранены. Охраняемый застрельщиками спереди, с боков и сзади, генерал Крук продвигался к недосягаемым, как всем казалось, Блэк-Хиллз, находившимся в семидесяти милях.

Сражение на Тонком Перешейке было закончено. Дальше предстояла охота на непримиримых вождей Сиу, главными из которых были Неистовая Лошадь и Сидящий Бык…